

ВАСИЛИЙ
БОГДАНОВ

МИСТЕР
ПРОПЕР,
ВЕСЕЛЕЙ!

Василий Богданов

Мистер Пропер, веселей!

«Издательские решения»

Богданов В.

Мистер Пропер, веселей! / В. Богданов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741947-9

Жизнь Николая Ивановича была хорошо налажена, как часовой механизм, и надежно ограждена от случайностей, пока однажды, умываясь, он не увидел в зеркале призрака. Лысый голый мужчина прошел по коридору в сторону спальни и бесследно исчез. Больше он не появится никогда, однако через открытую им дверь в мир Николая Ивановича проникли самые разнообразные и непредсказуемые персонажи.

ISBN 978-5-44-741947-9

© Богданов В.
© Издательские решения

Содержание

I. Н. И.	6
II. Железная Анна	12
III. Призрак	18
IV. Машина-Убийца	27
V. Похищение Елены	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мистер Пропер, веселей!

Василий Богданов

Дизайнер обложки Екатерина Бирюкова

© Василий Богданов, 2017

© Екатерина Бирюкова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-1947-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І. Н. І.

Всякий бы понял, насколько *правильный* человек Николай Иванович Гаврилов (которого знакомые называли просто Н. И.), если бы случайно оказался по соседству с ним в ресторане или кафе и получил возможность наблюдать за тем, как он обходится с использованной бумажной салфеткой.

Все люди по-разному складывают её: кто небрежно комкает, кто мастерит оригами, кто скатывает в плотный бумажный шарик, а кто и в колбаску, некоторые рвут на части, другие сворачивают такое количество раз, пока не выйдет малюсенький квадратик.

Н. И. поступал так: он складывал салфетку строго по диагонали, после чего тщательно проводил по месту сгиба ногтем, оставляя на мягкой бумаге глубокий след, затем получившийся треугольник ещё раз сворачивал пополам и вновь ногтем подчёркивал линию сгиба. Потом он аккуратно подтыкал использованную салфетку под край тарелки.

Другое дело жена Н. И. – Анна Геннадьевна. Она лишь слегка прижимала салфетку к губам и тотчас возвращала на стол почти в неизменном виде с едва заметным влажным вздутием в том месте, где соприкоснулись бумага и губы. Если официант запаздывал, Анна Геннадьевна от скуки начинала теревить бумажный квадрат, отщипывая от него по кусочку, до тех пор, пока тот не обращался в круг с обкусанными краями, на котором она вилок процарапывала два глазка и улыбку.

Дочь Н. И. – пятнадцатилетняя Надежда Николаевна, в отличие от своих родителей, вела себя крайне неряшливо: она бросала скомканную салфетку со следами помады в пепельницу так, словно салфетка стала ей безразлична немедленно после употребления.

К своим тридцати девяти Н. И. многого добился в жизни, при этом никогда не лгал, не подличал, никого не подсиживал, не нарушал своих принципов ради денег, всегда был справедлив к подчинённым, честно вёл себя с партнёрами по бизнесу и равномерно распределял время между семьёй и работой.

В отличие от большинства мужчин, он не посещал ночных клубов, казино, домов терпимости, саун и экзотических спа-салонов, предлагавших интимный массаж, не заводил курортных романов, не опускался до интрижек на работе и даже не флиртовал! Поэтому друзья и коллеги мужского пола частенько за глаза называли его обидным словом «подкаблучник», а женского – единодушно сходились во мнении о том, что Гаврилов – «настоящий *семьянин*» не в пример *другим*».

Другие, о ком обычно шла речь, находились либо в разводе, либо, если и были женаты, то, как правило, имели любовниц или же состояли во втором, третьем, четвёртом и так далее браке, выбирая в спутницы жизни манекенщиц, танцовщиц кабаре, официанток, горничных, секретарш и прочий обслуживающий и развлекающий персонал без признаков высшего образования. Н. И. был женат единожды на докторе экономических наук, профессоре кафедры экономической теории, о разводе даже не помышлял, а жену, возрастом превосходившую его на десять лет, боготворил.

Случалось, вечером супруги отправлялись в итальянский ресторан на автомобиле Гаврилова, предварительно оставив машину жены на парковке, потому что Анна Геннадьевна любила за ужином пропустить бокал светло-соломенного «Гевюрцтраминера». Красное вино она не переносила, так как оно вызывало у неё приступы мигрени.

– Нет, ты представляешь, Николай? – как-то сказала она, находясь в состоянии крайнего возбуждения, и брови её слегка взлетели вверх.

Поставив бокал «Гевюрцтраминера» на скатерть, она снова схватилась за стеклянную ножку и сделала ещё один приличный глоток.

Н. И. за годы совместной жизни с Анной Геннадьевной успел убедиться в том, что внешне интеллигентное научное сообщество, частью которого была его жена, изнутри – подобие серпентария, поэтому он прекрасно «представлял», но вместе с тем даже ему была удивительна степень человеческой мелочности, от которой пострадала супруга. Собственное отношение к ситуации он выразил словосочетанием:

– Детский сад!

– Вот именно! – согласилась жена и поставила бокал на скатерть так, будто бы вколотила гвоздь.

– Так, значит, ты просто припарковала свою машину слишком близко к его? – уточнил Н. И., по выражению лица Анны Геннадьевны угадав, что её снедает острое желание пересказать историю во второй раз.

– Ну да. Представляешь? – с готовностью выпалила она.

Поощряя её, Н. И. сочувственно покачал головой, вытер и без того сухие тонкие губы салфеткой, свернул её в своей обычной манере, отметив ногтем линию сгиба, и приготовился слушать.

Однако в этот момент Анне Геннадьевне вдруг показалось, что она злоупотребляет терпением мужа, и, весело рассмеявшись, она махнула рукой со словами:

– Господи, Николай! Опять я... опять я раздуваю из мухи слона!

– Да нет же! – бросился разубеждать её Н. И. – Ни в коем случае!

– Ты, наверное, устал, друг мой, – продолжала она, поглаживая его по щеке, – а я снова... я снова нагружаю тебя своими проблемами. Да.

У неё была странная манера: несколько раз повторять слова и обязательно закруглять фразу почти неслышным «да», что придавало речи мурлыкающую музыкальность.

– Нисколько! – воскликнул Гаврилов. – Мне очень интересно.

– Давай же просто... просто поужинаем, получим удовольствие от еды, – она подняла бокал, держа его за ножку, – и вина!

Но Н. И. решил не сдаваться:

– А что за джип был у того типа? – спросил он.

– Ты знаешь... – она отставила бокал в сторону, – ты знаешь, у него был здоровенный такой джип, очень-очень старый. Да. Ещё и грязный в придачу. Да. Большой старый грязный джип. Вот что у него было.

– Ну-ну, понятно. А как близко ты стояла? Так? – Н. И. руками изобразил расстояние.

– Нет, ты что, Николай, вот так, – ответила Анна Геннадьевна, показывая расстояние вдвое меньше. – Ведь там же мало места на парковке и всегда стараешься... всегда стараешься вставать как можно компактнее...

– Действительно, тесновато, – заметил её муж, потирая подбородок, – тогда понятно, почему он не мог открыть заднюю дверь и достать свой пиджак.

– Да кто же спорит! – жена всплеснула руками. – Но ведь он мог... он мог нормально меня попросить отъехать? Мог? Уж, наверное, язык бы у него не отсох, если бы он сказал слово «пожалуйста»?

– Да уж не отсох бы.

– А он что сделал? – всё более возбуждаясь, продолжала Анна Геннадьевна. – Подходит к моей машине эдаким... эдаким, знаешь, гоголем и пальцами так по стеклу барабанит, ну, я же что, я естественно опускаю, а он: «Хорошо припарковалась, барышня?»

Сделав паузу, жена выразительно посмотрела на мужа. Тот сочувственно покивал.

– Нет, ты представляешь? Представляешь? Мне, женщине, которую он видит первый раз в своей жизни, доктору экономических наук, заявить: «Хорошо припарковалась, барышня?» Как будто я какая-нибудь... какая-нибудь профурсетка! Я чуть не задохнулась от возмущения.

– Вот хам! – сурово сдвигая брови, произнёс Н. И.

– Нет, ну скажи, что я была? Неправа? Что я такого сделала?

– Ты всё правильно сделала.

Анна Геннадьевна ела карпаччо, а Н. И. – свой любимый салат с рукколой и помидорами черри.

– Ну, конечно, права, – ответил он, наворачивая на вилку листики салата и одновременно умудряясь подцепить стружку твёрдого сыра.

– Просто спросила, нельзя ли повежливей. А он? Он, знаешь, что мне ответил? Повежливей, это как? Машину тебе разбить? Нет, ты представляешь? Представляешь?

Н. И. почувствовал острое желание вступить за жену:

– Надо будет его найти и с ним по-мужски разобраться! – сказал он, хотя в действительности слабо представлял себе, как люди разбираются между собой «по-мужски».

– Так ведь кто бы мог подумать, что он... что он, мало того, что нахамил тогда! Он запомнил... запомнил меня и потом ещё отомстил! Это так мелко! Так подло! У меня просто нет слов! Я никак не ожидала... не ожидала, что мужчина может оказаться таким вот ничтожеством!

– Да уж, – кивнул Н. И.

– Ты представляешь, – продолжала Анна Геннадьевна, – как я... как я была шокирована сегодня, когда выходит журнал... выходит журнал, где должна быть моя статья, а её там нет! Её там нет. Ты представляешь? Представляешь?

Она допила остатки вина, и муж потянулся к ведёрку со льдом, где лежала бутылка, но его опередил официант.

– Этот... – жена проследила за официантом, пока тот наливал вино, и, дождавшись его ухода, продолжила – ... *козёл* оказался новым главным редактором нашего журнала! Представляешь! Нет, ты представляешь! И из-за той нашей стычки на парковке, которая... которая была неделю назад! Неделю назад! Любой бы нормальный человек уже давно забыл бы об этом! Он отдал распоряжение мою статью убрать, хотя номер был уже свёрстан!

– А как он, кстати, узнал, что это именно твоя статья? – удивился Н. И.

– Ну, там же есть моя фотография.

– А-а-а, понятно, – Гаврилов развёл руками и во второй раз произнёс, – детский сад!

– Вот я и говорю, детский сад, – жена выдохнула и сделала очередной глоток.

Для того чтобы разрядить обстановку, Н. И. взял её маленькую сухую руку в свою и произнёс:

– Наверное, у него просто здоровенный геморрой в заднице – вот он и злой!

Анна Геннадьевна засмеялась. Смеялась она как девчонка, тонко и заливисто, что было неожиданно для пятидесятилетней женщины.

– Точно, геморрой в заднице! Но разве можно так говорить, – она прикрыла губы салфеткой, – мы же с тобой культурные, образованные люди! А кстати, как правильно? – выражение озабоченности скользнуло по её лицу. – Геморрой *в* заднице или геморрой *на* заднице?

– А что здесь некультурного? – отозвался Н. И. – И геморрой, и задница – вполне литературные выражения.

– Нет, я имею в виду, что культурные люди должны дружить с предлогами! А знаешь, что про него рассказывают? – внезапно оживилась она.

– Что? – спросил Н. И.

– Что он крутит со студентками! Представляешь? Нет, ты представляешь? Такой старый *козёл*, а крутит со студентками! С первокурсницами!

– А сколько ему лет?

– Да лет за пятьдесят. Это точно.

Н. И. мысленно посчитал, что ему до указанного возраста осталось одиннадцать лет, и хотел было вздохнуть, но передумал и спросил:

– А что теперь будет со статьёй?

Анна Геннадьевна махнула рукой:

– Не волнуйся, друг мой, я уже переговорила по этому поводу... переговорила с Пинигиным, и он обещал зайти к ректору. Да. Так что, думаю, скоро нашего хама вызовут на ковёр.

– Ну, ясно, – кивнул Н. И., – он ведь ещё не знает, с кем связался! С мастером интриг!

Жена улыбнулась:

– Это точно! Мокрого места от него не оставлю. А статью опубликуют в следующем номере. Только в связи с этим у меня возникла ещё одна проблема.

– Какая? – с участием поинтересовался муж.

– Пинигин, естественно, (ну, ты же его знаешь!) попросил меня о встречном одолжении. Да. Он по горячей путёвке улетал в Египет и хотел бы... он хотел бы, чтобы я провела за него три семинарских занятия. Я согласилась, но совсем-совсем забыла, что у меня вылетает четверг! В четверг же я никак не могу его заменить, потому что... потому что у меня эта конференция. Да. И там я... там я делаю свой доклад. Как теперь выкручиваться, просто ума не приложу. Ко всем уже обращалась, и все отказываются. А если занятие сорвётся, Пинигин будет в ярости. Да. Он точно будет в ярости.

– А нельзя просто договориться со студентами, чтобы они не приходили? – осторожно предложил Гаврилов.

– Нельзя. Всё равно найдётся кто-нибудь, кто наступит в деканат. Так что, называется, не было забот... Да...

– Да уж. И что ты намерена делать? Сегодня уже понедельник.

Анна Геннадьевна развела руками:

– Я не знаю... не знаю, что делать.

– Слушай, – Н. И. секунду помедлил, – у меня, по-моему, в четверг нет особых дел...

– Ты хочешь... хочешь пойти вместо меня? – радостно удивилась она.

– Не то чтобы хочу, но если другого выхода нет, то почему бы и нет? Я ведь тоже, как никак, оканчивал ваш институт и даже, благодаря твоим стараниям, защитил диссертацию!

– Да, но о чём ты с ними будешь разговаривать целую пару? Нужно же... нужно же знать материал!

– О жизни, – ответил Н. И., по благодарному тону жены поняв, что сделал то, чего от него ожидали.

– Я буду разговаривать с ними о жизни, – повторил он. – На каком они курсе?

– На первом.

– Тем более! Неужели ты думаешь, что я не смогу занять их на час... Сколько там идёт пара?

– Час двадцать.

– На час двадцать?

– Это тоже не очень хорошо, – задумчиво протянула Анна Геннадьевна, потому что ты не имеешь... не имеешь права преподавать.

– А кто узнает, что я самозванец?

– Ты прав. Никто. Главное... главное, чтобы учебный процесс не прерывался. Да.

– Вот видишь! – радостно воскликнул Гаврилов и, внезапно понизив голос, продолжил: – Ну-ка, оглянись. Только осторожно.

Жена повернула голову.

– Это не Надежда ли там сидит? – спросил Н. И. заговорщицким тоном.

– Где?

– Вон за тем столиком?

– Точно, она! – Анна Геннадьевна перегнулась к мужу. – Интересно, что она здесь делает? Ведь у неё же... у неё же репетитор?

Н. И. тоже подался поближе к жене и, взглянув на часы, прошептал:

– Репетитор у неё был до шести, а сейчас семь.

– А откуда у неё деньги... – спросила Анна Геннадьевна, – на ресторан?

– Ну, мы же даём ей на карманные расходы!

– А ты узнаёшь эту девицу, которая с ней? – продолжала она. – Опять, опять она с этой Янкой! Ты знаешь, меня очень, очень беспокоит, что они общаются...

Н. И. почесал шею:

– Ну и что, Яна разносторонняя девушка, – сказал он и с улыбкой задал вопрос: – А мы так и будем шептаться?

Анна Геннадьевна улыбнулась в ответ и откинулась на спинку стула.

– Как ты думаешь, нам следует раскрыть своё присутствие? – громко спросила она.

Н. И. пожал плечами. Жена допила вино и сказала:

– Кстати, ты в курсе, друг мой, что в выходные наша дочь хочет ехать в другой город к какому-то мальчику, с которым она познакомилась по интернету?

– Да, – Гаврилов наполнил её бокал.

– Может, ты тоже выпьешь хотя бы полбокала? – спросила она, взглядом указав на его нетронутое вино.

– Нет, ты что! Я же за рулём!

Н. И. имел твёрдый принцип: не употреблять за рулём ни капли спиртного.

– Выпьешь грамм – потом объясняйся с гаишниками! – продолжил он.

– С половины бокала ничего не будет, – сказала Анна Геннадьевна. – А вообще, неплохо было бы узнать, где мой салат? А то я сейчас совсем... совсем опьянею. Да.

– Ну, как ничего? Будет запах, лишний повод для подозрений, – Н. И. решительно отставил свой бокал в сторону.

– Зачем тогда ты себе наливаешь? – спросила жена.

– Чтобы составить тебе компанию, – улыбнулся он. – Про этого кибермальчика я в курсе.

– И что ты думаешь делать? О, наконец-то! – Анна Геннадьевна радостно всплеснула руками. – Нашу еду несут!

Официант, извинившись за задержку, поставил блюда на стол.

– Я обещал ей, что мы это обсудим, – сказал Гаврилов.

– Ну, и как ты считаешь? Надо ли её отпускать?

– Отпускать не надо. Но нужно обязательно объяснить почему. Простой запрет может вызвать протестную реакцию, и она сбежит.

– Легко сказать, – скептически хмыкнула Анна Геннадьевна, – ты же сам знаешь, как её трудно переубедить! Почти как меня!

– А ты, кстати, насколько я помню, сбежала к какому-то парню в шестнадцать лет!

– Не в шестнадцать, а в восемнадцать, – она весело рассмеялась. – Села на поезд и махнула к нему в Киев! Да. Приехала, нашла его общагу. Вот он удивился-то! Подумал, наверное... подумал, что я дура...

Помолчав, она продолжала:

– Но я его, по крайней мере, знала до этого. Мы встречались вживую, что называется. Да. А этот мальчик из интернета, вдруг он... вдруг он сексуальный маньяк?

– Аня, – сказал Н. И., поднося вилку ко рту, и посмотрел куда-то поверх плеча жены, – она нас заметила, идёт сюда, поэтому давай-ка свернём дискуссию.

Дочь приблизилась к их столу, поздоровалась и спросила:

– А вы чё здесь затихарились такие скромные?

– Садись, – Н. И. отодвинул от стола третий стул.

– Да не, я с подружкой.

Надя неопределённо мотнула головой в сторону. Исходя из представлений родителей о том, как должна одеваться девушка, внешний вид дочери был несуразен: мешковатые армейские брюки со множеством карманов и толстовка, на голове капюшон.

– Хочешь, мы тебя отвезём? – предложил Гаврилов.

– Не. Мы сами.

– Расскажи нам... расскажи нам про того мальчика, – вмешалась Анна Геннадьевна.

– Про какого?

– Из интернета.

– Про Артура что ль?

– Я не знаю, – сказала Анна Геннадьевна, – к которому... к которому ты намылилась.

Дочь устало взглянула на мать.

– Надь, мы с тобой потом об этом поговорим, – мягко сказал Н. И.

Она равнодушно пожала плечами:

– Ну, я пойду?

– Как сегодня позанималась с репетитором? – спросила вдогонку Анна Геннадьевна.

Муж слегка коснулся её ноги под столом, давая понять, что пора отпустить дочь.

– Нормально, – через плечо бросила Надя.

– А кто это там с тобой? – продолжала Анна Геннадьевна.

Дочь остановилась на некотором расстоянии от стола родителей и повернулась к ним лицом. Н. И. подумал, что помада на её губах выглядит крайне неуместно.

«Что может интересовать взрослых пятидесятилетних мужчин в таких вот девочках?» – подумал он, вспомнив рассказ жены о новом редакторе институтского журнала.

– Мам, ты прекрасно ее знаешь. Это Яна, – терпеливо объяснила Надя.

– А ты прекрасно знаешь, что я не одобряю ваше общение.

– Ну, – пропуская замечание мимо ушей, спросила дочь, – теперь я могу идти?

– Да, конечно, – вмешался Гаврилов. – Идите, общайтесь.

Когда Надя наконец ушла, Анна Геннадьевна посмотрела на мужа с укором:

– Почему ты всё время встаёшь на её сторону?

– Я? Вовсе нет. Просто сейчас не самый подходящий момент обсуждать с ней её кибермальчика и отношения с новой подругой.

– А когда будет подходящий?

– Я знаю когда.

– Ну да, конечно, друг мой, – Анна Геннадьевна несколько раз раздражённо кивнула головой, – к тому времени она уже сделает нам ручкой!

II. Железная Анна

Знакомство Н. И. с Анной Геннадьевной произошло в начале 90-х в университете, где она читала лекции, которые он посещал в качестве студента пятого курса. Лекции по расписанию стояли в субботу; народу на них присутствовало мало, и Анна Геннадьевна сразу заметила серьёзного и уверенного в себе пятикурсника. Молодой Н. И., в отличие от многих своих однокашников, был невероятно опрятен, телом сух и подтянут, с иголки одет, не имел запаха изо рта, а имел правильные черты лица, ясный, всегда осмысленный взгляд и проницательный ум.

Огромное внимание он уделял мелким деталям гардероба и внешности, что обычно было несвойственно мужчинам его возраста и в особенности студентам. Ногти его еженедельно подвергались тщательному уходу, чистый носовой платок неизменно присутствовал в нагрудном кармане пиджака и цветом соответствовал галстуку. Не оставалось никаких сомнений в том, что и невидимые части одежды, такие как нижнее бельё и носки, тоже отвечали всем требованиям, обычно предъявляемым к их целостности и свежести.

Нельзя утверждать, что Анна Геннадьевна влюбилась в Н. И. с первого взгляда. Он также не испытал к ней трепетных чувств. Но то, что они мгновенно *заинтересовали* друг друга, не вызывает сомнений. Анна Геннадьевна про себя в шутку окрестила необычного студента «Терминатором в галстуке», а он назвал её «Танцовщица Дега». Внешностью она напоминала балерин или актрис, каких берут на роли принцесс в детских сказках: маленький рост, отличная осанка, гордая посадка головы, белокурые локоны и невероятно красивый нос.

Клеопатра умерла бы от зависти при виде этого носа! Его хотелось сравнить с какой-нибудь изящной фарфоровой безделицей, сувениром, привезённым из далёкого Китая. На время лекции весь мир, вся вселенная, казалось, сосредоточивались для Н. И. вокруг кончика носа Анны Геннадьевны, который он разглядывал с пылким интересом искусствоведа.

Сближение студента и молодой преподавательницы произошло благодаря случайному событию: Анна Геннадьевна выезжала на своём стареньком красном «мерседесе» с университетской парковки и заметила, что Н. И. в глубоком раздумьи стоит на тротуаре перед широко разлившейся лужей, не зная, как её обойти, чтобы не испачкать сияющих чёрных ботинок. Аккуратно подъехав к нему, она толкнула рукой правую дверь и сказала:

– Садитесь.

Анна Геннадьевна не могла объяснить, почему так поступила. Приглашая его сесть, она не задумывалась о том, что дальше придётся узнавать, куда ему нужно ехать, и подвозить его до какого-нибудь места, которое, возможно, находилось вовсе не по пути. А между тем она достаточно сильно спешила на деловую встречу. Её «садитесь» было продиктовано неосознанным желанием спасти от грязи начищенные до блеска ботинки.

Н. И. сел в машину и, оправив брюки, положил на колени свой маленький чемоданчик, с которым ходил на лекции.

– Здравствуйте ещё раз, – сказал он и, стараясь не хлопнуть, прикрыл дверь.

После того как звуки, доносившиеся с улицы, были отрезаны, оба почувствовали себя так, будто находились на первом свидании. Увеличивая громкость радио, Анна Геннадьевна спросила:

– А Вы любите лихачить?

– Нет, – уверенно ответил Н. И.

– А я... а я – да, – неожиданно призналась Анна Геннадьевна и, удивляясь своей откровенности, продолжала, – особенно ночью люблю... люблю гонять по шоссе. Да.

Н. И. ничего не ответил, а только пристегнулся, своими действиями опередив готовую сорваться с губ Анны Геннадьевны фразу: «Можете не пристёгиваться, в городе я вожу аккуратно».

Машина тронулась, и Анна Геннадьевна заставила себя держать язык за зубами, хотя ей почему-то вдруг отчаянно захотелось рассказать совершенно незнакомому человеку о том, что гонять по ночам она любит с тех пор, как от неё ушёл первый муж, с которым Н. И. имел на удивление сильное сходство.

– Вас куда подвезти? – только и спросила она.

Н. И. назвал адрес и замолчал. Через некоторое время Анна Геннадьевна заметила, что он сидит как на иголках, сгорая от желания чем-то с ней поделиться.

– Вы хотите мне о чём-то рассказать, Николай? – поощрила она.

– Да, в расчёте на Ваш совет, – кивнул он, краснея, и с жаром пустился в рассказ о том, как они с другом несколько раз пытались организовать бизнес, следуя примерам из американских учебников.

Предприятие обыкновенно начиналось с *идеи* усовершенствования какого-нибудь бытового предмета, затем следовали попытки выбить инвестиции и наладить промышленное производство, а в итоге выяснялось, что нечто подобное уже давно было изобретено на Западе и гораздо проще ввезти товар из-за границы, чем производить на отечественной территории.

Анна Геннадьевна не смогла скрыть улыбки и сказала:

– Хотите посмотреть, как надо делать бизнес в России?

– Хочу, – согласился Н. И.

– Тогда поехали.

Через полчаса они припарковали автомобиль перед зданием, принадлежавшим одному из многочисленных НИИ, вошли внутрь и, поднявшись по ступенькам на пятый этаж, оказались в прокуренном насквозь помещении, где беспрестанно трещали телефоны и несколько людей одновременно орала в трубки:

– Да, шпалы грузить! Два вагона!

– Алло? Алло? Где пиловочник, я Вас спрашиваю? Нет, не дошёл до станции назначения. Только что звонили из Питера.

– Вы все сроки мне срываете, Аркадий Семёнович! Вы понимаете, что я к вам бандитов пошлю?

– Сколько тонн? Да, берём. Отправляйте в Находку.

– Что? Передайте, что если они там у себя в Москве будут сидеть на попе ровно и пальцем в носу ковырять, то хрен им, а не брус!

– Я спрашиваю, где наши деньги? Где? Товар уже несколько суток во Владике.

– Как вагоны пропали? Где пропали? В Ростове?

Н. И. почувствовал, что попал в один из нервных узлов зарождающейся рыночной экономики, откуда по всей стране стремительно разлетаются импульсы, приводящие в движение мышцы грохочущих по рельсам товарных составов. «Интересно, кто всем этим управляет?» – подумал он, с пренебрежением оглядывая неряшливых мужчин и женщин в прокуренных свитерах. В голове у Н. И. возник образ солидного бизнесмена лет пятидесяти – пятидесяти пяти в добротном костюме и галстуке, который сейчас должен встретить их и проводить в кабинет, обставленный обкомовской мебелью.

Анна Геннадьевна тем временем быстро отыскала среди суматохи перепуганную пожилую секретаршу и спросила, ногтем постучав по циферблату часов:

– А где Михал Сергеевич? У меня... у меня назначено. Да.

Только тут Николай Иванович впервые почувствовал, что под этой мнимой кошачьей уступчивостью речи, под этим как бы заиканием и повторами прячутся железные когти.

– Он заболел, – пряча глаза, отвечала секретарша.

– Запил? – уточнила Анна Геннадьевна.

Увидев, что ложь не помогла, секретарша обречённо повесила украшенную седыми буклями голову.

– Едем, – Анна Геннадьевна увлекла Н. И. прочь из прокуренного помещения.

Через непродолжительное время они стояли на лестничной площадке жилого дома и звонили в чью-то квартиру.

Дверь им отворила болезненного вида женщина. Увидев Анну Геннадьевну, она испугалась и крикнула:

– Миша, это к тебе.

Анна Геннадьевна вместе с Н. И. прошли в комнату, где на кровати лицом вверх лежал человек с внешностью спившегося интеллигента. Воздух вокруг был спёрт и насыщен густым зловонием. Возле кровати на полу стояла пустая бутылка водки. Анна Геннадьевна первым делом отперла окна, а Н. И., осмотревшись, увидел прятавшихся в коридоре детей. «Так это и есть главный?!» – ужаснулся про себя он, вновь переводя взгляд на неподвижного человека. Рыжеватые волосы обрамляли его одутловатое изъеденное ospой лицо, а в усах прятались губы алкоголика, мягкие и толстые, словно сосиски с полиэтиленовой кожицей, под которой малиновым цветом набухла мясная масса.

– Миша, – Анна Геннадьевна встала у изголовья, как карающий ангел.

Человек разлепил веки, попытался сесть и закашлялся. Мокрота и слизь полетели от него во все стороны.

– Где мои деньги? – жёстко спросила Анна Геннадьевна.

Продолжая кашлять, человек замахал на неё руками. Жена подскочила к нему и сунула в руку скомканный носовой платок. Отхаркнув в него содержимое лёгких и носоглотки, Михаил Сергеевич вытер по кругу свои распущенные губы и наконец удостоил Анну Геннадьевну осмысленным взглядом.

– О! Кто к нам пожаловал, – ёрничая, произнёс он, – сама Железная Анна!

– Он вернёт, – робко встала жена.

– Я больше... я больше не могу ждать, – сухо заметила Анна Геннадьевна, – я звоню Кириллу. Да. Где здесь телефон?

Не обращая на неё внимания, Михаил Сергеевич спросил у супруги:

– Мария, не пора ещё пищу принимать?

Та молча убежала на кухню и скоро вернулась с тарелкой, полной куриного бульона со «звёздочками».

– С Вашего позволения, Анна Геннадьевна, я отобедаю, – Михаил Сергеевич свесил голые бледные ноги с кровати и, прикрывая пах комком одеяла, придвинул к себе стоявший рядом табурет, на который его жена заботливо поставила суп.

– А где приборы? – спросил он, рукой зачёсывая назад сальные рыжие волосы.

– Сейчас, – жена принесла с кухни ложку и кусок хлеба.

Михаил Сергеевич с аппетитом принялся за еду. В это время Анна Геннадьевна отыскала наконец телефонный аппарат, спрятанный в одном из углов под кучей хлама, и набрала номер, несколько раз резко повернув трескучий пластмассовый диск. На лице её читалось сильное раздражение.

– Кирилл, это я, – произнесла она в трубку, – моё терпение лопнуло. Да. Отдаю... отдаю за пятьдесят.

Жена Михаила Сергеевича упала в ноги Анне Геннадьевне и начала хватать её за руки, повторяя:

– Анна Геннадьевна, он отдаст, честное слово, отдаст. Анна Геннадьевна, ради Христа, детей пожалей!

Анна Геннадьевна положила трубку и позволила Марии отобрать у неё телефон.

– Поздно, – сказала она, – Миша сам во всём виноват.

Михаил Сергеевич продолжал стучать ложкой, доедая бульон.

– Жалости в тебе нет никакой, Анна Геннадьевна, – философски заметил он, – никакого христианского милосердия.

– Пойдём, – коротко бросила Анна Геннадьевна, обращаясь к Н. И.

Когда они вышли на улицу, она, заметив обескураженное выражение на лице спутника, объяснила:

– Миша – хороший... хороший человек, но пьющий. Да. Сильно. Когда-то мы с ним влезли вместе в одно прибыльное дело, и я... я вложила, – тут она назвала сумму, от которой у Н. И. потемнело в глазах, – но Миша, как всегда, не вовремя запил, сделка сорвалась, деньги пропали. Да. Он обещал отработать, обещал, но так и не отработал. Несколько раз я пыталась его лечить от запоя, сдавала в наркологию – всё бесполезно.

Они сели в «мерседес» Анны Геннадьевны, где та закурила.

– Вы не курите? – спросила она, покосившись в его сторону.

Н. И. отрицательно мотнул головой.

– А я вот курю. С такими нервами... да, с таким нервами не курить невозможно.

Через некоторое время к дому подъехала чёрная «девятка», и оттуда вышел человек со спортивной сумкой. Он отдал сумку Анне Геннадьевне со словами:

– Тут пятьдесят процентов. Можешь пересчитать.

– Верю.

– Жена, дети дома? – спросил человек.

– Дома.

Он с сожалением почесал лысую голову и, кивнув в сторону «Нивы», стоявшей перед подъездом, поинтересовался:

– Тачка евонная?

– Его, – ответила Анна Геннадьевна.

– Чё ещё есть?

– Квартира. Трёшка. Товар на складе. Оргтехника в офисе.

– Пойдёт, – кивнул человек и отправился в подъезд, из которого не так давно вышли Анна Геннадьевна со спутником.

– Жёстко, – только и мог произнести Н. И., ошеломлённый тем, насколько образ принцессы из детской сказки и мягкая мурлыкающая речь не соответствовали железному характеру Анны Геннадьевны.

– Ну что? Едем дальше? – спросила она.

Он согласился:

– Едем.

Следующая встреча Анны Геннадьевны была назначена в китайском ресторане «Шанхай» – первом заведении в городе, где можно было отведать салат из медузы, суп из акульих плавников и горячие дим-самы с креветками, не говоря уже о знаменитой утке по-пекински!

Попав в «Шанхай», Н. И. оказался в неловкой ситуации: имевшихся с собой денег могло не хватить, а обедать за счёт Анны Геннадьевны не позволяло чувство приличия. Он как раз размышлял над тем, как выйти из положения, когда его подвели к столику, за которым сидели несколько молодых людей и один старик.

Пузатый графинчик с водкой весело бродил по рукам, чаще задерживаясь у старика, о чём свидетельствовали слёзы и румянец на щеках последнего. Закусывала компания, однако, вовсе не по-русски: острым салатом с ростками бамбука, свиными ушами в кляре, карпом в кисло-сладком соусе и жирной свиной.

К тому моменту, когда Анна Геннадьевна и Н. И., начинавший чувствовать себя пажом при могущественной королеве, присоединились к обедавшим, разговор за столом уже достиг определённой степени оживлённости.

– Привет, Анька! – весело крикнул один из молодых людей. – Мы тут специально ничего не обсуждаем, тебя ждём.

Анна Геннадьевна кивнула и сказала, обращаясь к Н. И.:

– Знакомьтесь, Николай Иванович, мои... мои соратники, да! Авангард... авангард ленинского комсомола, сливки советской молодёжи.

– Ну, зачем же так официально? – перебил кричавший и, протянув Н. И. большую честную ладонь, всю составленную из прямых рубленых линий, сказал:

– Игорь.

Остальные также представились, называя лишь имена, и только старик, вытирая салфеткой жирные губы, сообщил:

– Анатолий Матвеевич.

Пиджак его был стар и поношен, на лацкане виднелась дырка, предназначенная для значка.

Н. И. сел рядом с Анной Геннадьевной и с интересом начал вслушиваться в разговор.

– Ну, так что, Анатолий Матвеевич, – подливая старику из графинчика, спрашивал Игорь, – обеспечите нам голосование трудового коллектива?

– Какой разговор! – отвечал тот, внимательно наблюдая, как наполняется рюмка.

– По второму варианту пойдём? – спрашивали с другого конца стола.

– Второй, безусловно, лучше, – горячо вставляла Анна Геннадьевна.

– А члены трудового коллектива нам акции потом продадут? – интересовался Игорь у старика.

Анатолий Матвеевич махал рукой:

– Продадут. Я готов, так сказать, и личным примером.

Через некоторое время Н. И. догадался, что речь шла о приватизации асфальтобетонного завода, где старик занимал должность директора. Бывшие комсомольцы решали, каким способом лучше приобрести собственность на средства производства. Что касается Анны Геннадьевны, то она играла самую активную роль в обсуждении.

– Хотите на меня работать? – спросила она Гаврилова, когда они вышли на улицу после обеда.

У него внезапно возникло ощущение, будто бы он стоит на платформе и глядит вслед быстро удаляющемуся поезду: ещё миг – и запрыгивать на подножку будет поздно.

– Хочу, – поспешил согласиться Н. И. и с облегчением выдохнул. В тот день ему посчастливилось заскочить в последний вагон уходящего поезда.

Скоро он закончил учёбу в университете, получил диплом и сделал предложение Анне Геннадьевне, которое она приняла более чем благосклонно, несмотря на то что их отношения вызвали к жизни огромное количество грязных слухов в университетском сообществе, как это обычно бывает в случае связи между студентом и преподавательницей.

В дальнейшем Н. И. был зачислен в аспирантуру и постепенно, не без протекции супруги, получил учёную степень кандидата экономических наук. Научная карьера давалась ему чрезвычайно легко. Гаврилову не приходилось лстить, интриговать или униженно просить у сильных мира сего о заступничестве. Он занимался одной лишь чистой наукой и двигался вперёд по дороге, которую расчистила для него Анна Геннадьевна, умело убиравшая с пути конкурентов, отвращавшая случайный гнев членов учёного совета и организовывавшая банкеты. При этом она, проявляя чудеса деликатности, всегда устраивала всё таким образом, чтобы её муж никогда не догадался об истинной причине своего продвижения.

Бизнес Анны Геннадьевны, куда Н. И. пришёл на должность менеджера по продажам, представлял собой средних размеров компанию, спекулировавшую строительными материалами. Со свойственным женщине желанием внести хотя бы толику поэзии в такие прозаичные

явления, как продажа кирпича и цемента, Анна Геннадьевна назвала свою фирму «Каменный сад».

Гаврилов быстро сделал карьеру в «Каменном саде». Уже через год он стал практически равноправным партнёром и вторым генеральным директором компании. Любопытно было наблюдать за тем, как супруги вели переговоры с контрагентами. Анна Геннадьевна, имеющая большой опыт, сразу же понимала, в каком направлении станет развиваться беседа, какие ловушки приготовила другая сторона, и потому немедленно стремилась расставить все точки над «и», а если понадобится, то и взять быка за рога. Н. И. требовалось значительно больше времени для того, чтобы разобраться в ситуации, в связи с чем он сидел и молчал, пытаясь разгадать стратегию жены, а потом начинал включаться в диалог, подстёгиваемый мужским честолюбием. Обнаружив амбициозные притязания мужа, Анна Геннадьевна тактично замолкала и уступала ему поле боя, на которое он бросался с юношеской горячностью. Вскоре, однако, Н. И. (а он был отнюдь не глуп) понимал, что супруга отстранилась от участия в переговорах исключительно для того, чтобы дать ему возможность вволю порезвиться. Осознав это, он возвращал инициативу Анне Геннадьевне. Та, в свою очередь, отказывалась от ведущей роли и говорила, что главным должен быть всё же мужчина. Н. И. не соглашался с ней и возражал, что предпочтение должно быть отдано более опытному партнёру, а опыт в ведении переговоров, разумеется, был у Анны Геннадьевны. Таким образом, обсуждение контракта могло затянуться на долгие часы из-за того, что супруги соревновались друг с другом в тактичности.

В итоге, когда к началу третьего тысячелетия «Каменный сад» превратился в крупную холдинговую структуру, Анна Геннадьевна решила положить конец двоевластию. «У туловища должна быть одна голова, а у компании один директор, – сказала она. – Сиамских близнецов нужно разделить хирургическим путём». К слову сказать, цементно-кирпичный бизнес уже давно не приносил ей удовлетворения, и занималась она им по инерции. Анна Геннадьевна мечтала посвятить себя воспитанию дочери (которая к тому времени родилась), преподаванию в университете и духовному поиску. Поэтому на семейном совете было принято решение, что Н. И. остаётся единственным генеральным директором «Каменного сада».

Так Н. И. сделал свою блестящую карьеру в бизнесе. К тому моменту, когда он единолично возглавил «Каменный сад», многие конкуренты и недобросовестные партнёры, включая злостных неплательщиков, были убиты. Причём произошло это давно, ещё в эпоху криминальных разборок. Анна Геннадьевна умела принимать жёсткие меры воздействия. Оставшиеся в живых превратились в цивилизованных бизнесменов, опасаящихся ОБЭПа или налоговой инспекции, где у Анны Геннадьевны имелись серьёзные связи. Общаться с уцелевшими было одно удовольствие! Н. И. никто не обманывал, все платежи осуществлялись вовремя, а банковские кредиты сыпались как из рога изобилия, потому что банкиры лично знали Анну Геннадьевну и многим были ей обязаны.

Ко времени нашего рассказа Н. И. находился в одном шаге от следующего своего достижения, которое наметила для него супруга, а именно от депутатского кресла. Анна Геннадьевна была уверена в том, что всякий мужчина нуждается в реализации на политическом поприще, по примеру древних, как Фемистокл, Аристид, Цицерон или братья Гракхи. В связи с этим она очень скоро ввела своего мужа в круг политических деятелей городского масштаба, и дело теперь оставалось за малым: обойти вероятных соперников, заключить необходимые союзы и заручиться поддержкой федеральных властей. Для всего этого у Анны Геннадьевны были необходимые возможности, а у Николая Ивановича – амбиции.

III. Призрак

На следующее утро после ужина с женой в итальянском ресторане с Н. И. произошло событие, которое он про себя назвал «явлением» и которое стало первым в цепи странных случайностей, существенно отравивших ему жизнь. Гаврилов, одетый в мягкую серо-голубую пижаму, стоял перед зеркалом в ванной и тщательно водил расчёской по волосам, одновременно высушивая их феном. Ему непременно нужно было добиться такого эффекта, чтобы каждый волосок лежал к волоску и все вместе они сливались в безупречную причёску.

В зеркале Н. И. видел себя, чуть приоткрытую дверь ванной и небольшой кусочек коридора. Внезапно он отчётливо разглядел, как по коридору не спеша идёт голый и абсолютно лысый мужчина. Всё восприятие продолжалось доли секунды: чужак показался в дверном проёме и тотчас исчез.

Выскочив из ванной, Гаврилов рассчитывал налететь на незнакомца, скрутить его и повалить на пол, но вместо этого схватил пустоту. Крадучись, Н. И. проследовал на кухню, где напугал жену, готовившую омлет.

– Господи, – поворачиваясь от плиты, сказала она, – как ты... как ты меня напугал!

По кухне распространялся аромат жареных яиц и кофе. Гаврилов благоразумно решил не рассказывать супруге про увиденный им призрак. Вернувшись в ванную, он вновь принялся за свои волоски. «Показалось, – вертелось у него в голове, – иначе и быть не может!»

Покончив с причёской, Н. И. ещё раз придирчиво оглядел себя, провёл рукой по щекам и подбородку, радуясь качеству бритвы, подышал на зеркало, пытаясь уловить малейшие неприятные запахи в выдыхаемом мятном облачке, оттянул оба нижних века, вращая чистыми, без сеточки капилляров, белками, и, довольный проделанной утренней работой над своей внешностью, отправился на кухню, где его уже ожидал сервированный завтрак.

Усевшись за стол, Н. И. поблагодарил жену и с аппетитом принялся за еду.

Вскоре на кухне появилась сонная дочь.

– Надежда, если хочешь, чтобы папа отвёз тебя в школу, – сказала Анна Геннадьевна, – тебе надо поторопиться.

Дочь кивнула и тяжело опустилась на стул.

– Мне кажется... мне кажется, – заметила ей мать, – что ты слишком много времени проводишь в интернете и поэтому не высыпaeшься. Да. Тебе надо раньше ложиться.

Гаврилов не принимал участия в разговоре, стараясь понять, кого же напомнил ему призрак.

– Что с тобой? – спросила его жена. – Ты что-то там напеваешь?

– Мистер Пропер веселей, в доме чисто в два раза быстрее! – уже громко пропел Н. И. и закончил на высокой ноте: – Мистер Пропер!

– Что это такое? – не поняла Анна Геннадьевна.

– Мама, это реклама, – сказала Надежда.

Гаврилов хлопнул себя рукой по лбу: лысый мужчина был точь-в-точь как из рекламы универсального моющего средства.

– Что с тобой? – обеспокоилась жена.

– Ничего, – ответил Н. И., – просто песенка привязалась.

Позднее, когда он сел в машину, воспоминание о странном событии почти совсем стёрлось из его памяти.

– Папа, – сказала Надя, когда они выехали из подземного гаража, – поговори с мамой, чтобы она отпустила меня на выходные к Артуру.

– Она не отпускает? – спросил Н. И., одновременно прислушиваясь к астрологическому прогнозу на предстоящий день, который озвучивали по радио.

– Нет. И притом в категоричной форме.

Звёзды предостерегали Гаврилова от «принятия серьёзных решений», советовали «уделить больше внимания близким» и обещали «неожиданное романтическое приключение».

– В таком случае я тоже не отпускаю, – сказал он.

– Ну, папа!

– Но я не договорил, – произнёс он вслух. – Хочешь дослушать?

Выехав из двора, он остановился на перекрёстке.

– Можно было бы ещё проскочить, – заметила Надя, с сожалением глядя на то, как мигающий зелёный сменился на жёлтый и следом на красный.

– Ты могла бы и проскочить, если бы у тебя были права, – возразил он, – но поскольку за рулём я, я и принимаю решения.

– Ты не договорил, – перебила она.

– Да. Я хочу предложить тебе альтернативный вариант.

– Какой?

– Пусть он приезжает в наш город, к тебе в гости, – сказал Н. И. и, внимательно посмотрев на дочь, добавил. – Сейчас объясню, почему так будет лучше. Во-первых, ты его не знаешь...

– Я его знаю, – второй раз перебила дочь.

– Подожди, – с мягким нажимом продолжал Гаврилов, – ты его не знаешь, ты видела его фотки, переписывалась с ним по интернету, но ты его не знаешь. Согласись, что в жизни человек может оказаться совершенно другим. Даже внешне!

Надя сидела, скрестив руки на груди.

– Ты что, ни разу не слышала про знакомства по интернету? Думаешь, что тебя ждёт Брэд Питт, а приходишь – там настоящий уродец! Бывает такое?

– Бывает.

– Что ты будешь делать, если так оно и окажется в твоём случае?

– Повернусь и уйду – делов-то! – сказала Надя.

– Вот именно! – обрадовался Гаврилов. – Это если здесь. А в чужом городе? Куда ты пойдёшь? Пойми, ты девушка и всегда должна оставлять себе свободу для манёвра на тот случай, если мужчина не оправдает твоих ожиданий.

– Ну и тупое у тебя радио! – сказала Надя и, потянувшись к бардачку, достала оттуда сумочку с компакт-дисками. – В одном ты прав, – признала она, вставив диск со своим любимым исполнителем рэпа, – свобода манёвра нужна. И как только у тебя так здорово всё получается разложить по полочкам?!

Н. И. улыбнулся.

– Будем считать, что мы договорились? – сказал он, протягивая дочери ладонь.

Она нехотя и со вздохом пожала её.

– Договорились.

Высадив Надю у школы, Гаврилов помахал ей рукой и поехал на работу. По пути он переключил магнитола с проигрывателя CD обратно на радио и выхватил из середины выпуска новостей сообщение: «... Японские учёные изобрели первую в мире женщину-робота по имени Йоко, – рассказывала девушка-диктор, – её кожа изготовлена из тонкой и эластичной резины и почти ничем не отличается от человеческой! Йоко способна выражать такие человеческие эмоции, как радость, горе, гнев, огорчение, смущение и любопытство...»

– Придумают же японцы! – про себя восхитился Гаврилов, отвлекаясь от прослушивания.

Водитель машины, стоявшей в пробке справа, широко и с удовольствием зевнул, показав всем, кто случайно обратил на него внимание в этот момент, своё багровое нёбо.

* * *

В офисе Н. И. ожидал второй неприятный сюрприз. Войдя в кабинет, который он делил со своим другом и партнёром по бизнесу Тарасом Григорьевичем Винниченко, Гаврилов обнаружил следующую картину: перевернутый стул; разбросанные повсюду огрызки лимонов; несколько опорожненных бутылок рома и «Кока-Колы» на журнальном столике; целый дровяной склад из недокуренных сигар в пепельнице – источник отвратительнейшей вони; липкие кляксы на полу и, наконец, верх разнузданности: огромный отпечаток ботинка на письменном столе Николая Ивановича.

Гуляка и сибарит Винниченко накануне повеселился от души, а судя по тому, что в пепельнице лежали не только сигары, но и тонкие «Вирджиния слимс», испачканные губной помадой, вечер он проводил в компании «гарпий». Так Винниченко обыкновенно называл женщин независимо от рода занятий и общественного положения, с которыми случай и алкоголь сводили его на одну ночь.

Обнаружив разгром в кабинете, Н. И. поморщился, но не удивился. Он позвонил секретарше и попросил, чтобы та разыскала уборщицу, потом прошёлся по помещению, носком ботинка легонько пнул огрызок лимона и решил всё-таки набрать номер Винниченко.

- Аллю, – сказали в трубку шёпотом после нескольких длинных гудков.
- Директор, это я, – ответил Гаврилов, – отлично вы тут вчера порезвились.
- Я сейчас не могу говорить, – прошептали с того конца.
- Почему?
- Я в милиции.
- В милиции? – удивился Н. И.
- Да. Я тебе позже всё объясню, – ответили ему и положили трубку.

Скоро Гаврилову позвонила вторая жена Винниченко и встревоженным голосом спросила:

- Коля, ты не знаешь, где мой муж? Я его с собаками всю ночь разыскивала!

Услышав эту фразу, Н. И. представил себе свору собак, рвущихся с поводка в ночи, и шествие, возглавляемое женой друга.

– Жень, всё в порядке, – как можно беззаботнее ответил он, – мы с ним надрались, он переночевал у меня.

- Надрались? – не поверила жена. – Ты же не пьёшь?
- Я-то почти не пью. Это да. Но вот он... он надрался у меня и уснул.
- А почему он трубку не берёт?
- Он занят на совещании.

Положив трубку, Гаврилов недовольно поморщился. Он не любил врать. Дружба его с Винниченко только с первого взгляда казалась иллюстрацией к утверждению о взаимном притяжении противоположностей. В действительности эти люди сошлись благодаря одной общей черте характера: они ничего не требовали друг от друга, не ожидали, что если один окажется в беде, то второй обязательно придёт на помощь. Если кто-то из них уезжал надолго в отпуск или в командировку, то оставшийся никогда ему не звонил, не спрашивал, как дела. Они не устраивали совместных вылазок на шашлыки, не собирались семьями в ресторанах, не ходили в кино, вместе не водили детей в цирк или на аттракционы, они даже могли не общаться месяцами. Взаимное равнодушие, которое каждый прощал другому, было основой их отношений.

Их дружба, как комета Галлея, проявляла себя в очень редкие моменты, например, когда Винниченко звонил в три часа ночи Гаврилову и говорил:

- Коля, ты спишь?

– Сплю, – отвечал Н. И. – Что случилось?

Винниченко минуту сопел в трубку, а потом произносил:

– Душа болит.

Гаврилов, отлипая от тёплого бока жены, выбирался из постели, одевался и ехал лечить больную душу Винниченко. Тот каялся, жалел свою первую жену, потом вторую, затем жалел своих детей от первого брака, а после и от второго, сетовал, что никак не может разобраться с этими «бабами», обещал, что обязательно поступит в итоге правильно и справедливо по отношению к тем, кто находился от него в материальной и духовной зависимости, но слова его всегда расходились с делом. Н. И. не стыдил и не укорял друга, не навязывал полезных советов, а только внимательно слушал и в конце говорил: «Старик, это твоя жизнь, и ты обязательно в ней разберёшься».

Анна Геннадьевна на дух не выносила Винниченко. В особенности же её неприязнь возросла после того, как Н. И. привёл друга в «Каменный сад».

– С этим человеком мы пуд соли сожрали, – сказал Гаврилов жене, имея в виду их совместные с Винниченко попытки организовать бизнес ещё в студенчестве. – Я не могу его бросить в сложной жизненной ситуации.

«Сложность жизненной ситуации» состояла в том, что, после того как Н. И. женился на Анне Геннадьевне и устроился в «Каменный сад», Винниченко вступил в спонтанный брак с однокурсницей, затем развёлся, оставив её с двумя детьми, был принуждён платить алименты, искал себя на поприще индивидуального предпринимательства, неоднократно прогорал и в итоге оказался практически без средств к существованию.

Анна Геннадьевна менее всего хотела стать причиной разрушения мужской дружбы, тем более что, как она видела, других товарищей у Н. И. не было. Поэтому, скрепя сердце, ей пришлось принять Винниченко в «Каменный сад». Сначала она старалась продемонстрировать определённое дружелюбие по отношению к новому сотруднику, но в дальнейшем едва могла скрывать раздражение.

Более всего на свете Анна Геннадьевна ценила трудолюбие, дисциплинированность и ответственность – качества, которыми Н. И. обладал в избытке, но которые совершенно отсутствовали у его товарища.

Винниченко просыпался поздно, не ранее одиннадцати часов утра, потом принимал ванну с персиковой пеной, не спеша завтракал, затем ещё час слонялся по квартире в мягком халате и тапках, вполглаза смотрел шоу для домохозяек, поливал цветы, кормил рыбок и только после этого отправлялся на работу, куда прибывал часам к двум дня. В офисе он первым делом усаживался в мягкое кресло, доставал из ящика стола свою любимую трубку и принимался тщательно чистить её специальным ёршиком. Прочистив и продув её как следует, Винниченко вынимал из того же ящика табак и переходил к процедуре набивания, подолгу уминая листья подушечкой большого пальца. Наконец, потратив сорок минут рабочего времени, он подносил к трубке зажжённую спичку, надувал щёки и закуривал, с удовольствием оглядывая доставшиеся ему владения.

Гаврилов согласился уступить другу половину своего кабинета, которую тот постепенно заполнил абсолютно ненужными с точки зрения прагматика вещами. Он приобрёл удобное кожаное кресло руководителя, Дивиди-проигрыватель, телевизор, огромный монитор для компьютера, чтобы удобнее было играть в Fallout, дорогую кофе-машину, которая варила несколько десятков разновидностей кофе, маленькое баскетбольное кольцо на стену и прилагавшийся к нему мяч, боксёрскую грушу на присоске, крепившуюся на стол, хьюмидор для хранения сигар, бар и несколько сортов виски и коньяков. Кроме того, Винниченко заказал себе дорогие визитные карточки, на которых лаконично охарактеризовал свою должность как «директор», посчитав ненужным добавлять слова «по развитию». От подчинённых он с первого же дня потребовал называть себя не иначе как просто хозяин, а друзьям и знакомым дал

понять, что ему нравится, когда к нему обращаются не по имени отчеству, а по занимаемой должности – Директор.

Анна Геннадьевна была в шоке, когда вошла к друзьям в кабинет и увидела холодный офисный аскетизм на половине Н. И. и пышное величие барокко на половине Винниченко. Последний сидел в новом кресле, с удовольствием курил трубку, пил кофе и почёсывал живот, обтянутый подростковой майкой со смайликом. На столе сверкала внушительная табличка с гравировкой: «Тарас Григорьевич Винниченко. Директор».

– Он никогда не повзрослеет! – сказала вечером Анна Геннадьевна мужу. – Он одевается как подросток, говорит, говорит как подросток и ведёт себя как подросток. Да.

– Со временем всё изменится, – убеждал её Н. И. и сам слабо верил в то, что говорил.

– Его надо уволить, – покачала головой Анна Геннадьевна.

Гаврилов не мог этого допустить и предложил:

– Знаешь, для того чтобы понять, на что человек способен, надо его отпустить.

– Как отпустить?

– Дать возможность действовать самостоятельно.

– Я не могу... не могу рисковать бизнесом, – заявила Анна Геннадьевна.

– Аня, – Н. И. обнял её за плечи, – давай один единственный раз доверим ему какой-нибудь небольшой самостоятельный проект.

– Хорошо-хорошо. Я согласна, но... но только если он всё испортит, я его уволю.

– Договорились.

Н. И. очень хотел, чтобы у друга всё получилось, и был ошеломлён, когда Винниченко блестяще справился с заданием. Гаврилов вместе с Анной Геннадьевной пришли к выводу, что Тарас Григорьевич обладает ценнейшим для бизнесмена талантом легко сходиться с людьми.

Анну Геннадьевну окружающие побаивались из-за жёсткости её характера, к Гаврилову относились настороженно, слишком уж он был правильный, а Винниченко принимали с распростёртыми объятиями, до того жизнерадостно он грешил, предаваясь чревоугодию и распутству. И там, где ни Анна Геннадьевна, ни её супруг не могли добиться заключения контракта, Винниченко легко получал нужные подписи, выпивая с людьми в банях, резвясь с путанами, гоняя на снегоходах, оставляя сотни тысяч рублей в кабаках по всей России.

Очень скоро Анна Геннадьевна поняла, каким незаменимым человеком для «Каменного сада» является Тарас Григорьевич Винниченко. И хоть симпатии к нему у неё не прибавилось, всё же она вынуждена была признать справедливость доводов Н. И. о том, что каждому человеку можно найти достойное применение.

* * *

Ближе к вечеру Винниченко позвонил Н. И. и сказал:

– Привет. Я освободился.

– Отлично, – ответил Н. И., – приезжай в офис, Директор.

– Нет, – в голосе Винниченко слышалась озабоченность, – мне надо в церковь.

– Зачем тебе в церковь? Что случилось?

– Приезжай к Спасу-на-Крови. Я всё тебе расскажу.

Н. И. был атеистом и не любил православных церквей; его угнетала их византийская тяжесть. Он стоял у входа, будто бы опасаясь шагнуть к алтарю, и наблюдал за тем, как его друг, заспанный, небритый, со всклокоченными волосами, суетливо бежит от иконы к иконе, кладёт кресты и ставит самые толстые свечи, которые только удалось приобрести в церковной лавке. «Это не вера, а глупое суеверие», – подумал Гаврилов, уже начиная скучать, а потом вдруг улыбнулся, решив, что растрёпанный Винниченко с его объёмистым животом отлично

подходит на роль грешника, которого внезапный порыв раскаяния вырвал из эпицентра античной оргии.

Наконец, запыхавшийся Винниченко подошёл к Н. И. и, кивнув в сторону выхода, произнёс:

– Ну, всё, кажется, теперь можно идти.

Когда они вышли на улицу, друг ещё раз обернулся лицом к храму, несколько раз перекрестился, беззвучно шевеля губами, и поклонился до самой земли.

– Ты не представляешь, – с удовольствием вдыхая вечерний воздух, произнёс он, – как я рад, что сегодняшний день подходит к концу! Столько мне всего пришлось пережить!

– Всё опять из-за женщины? – поинтересовался Н. И. больше для того, чтобы заполнить паузу, поскольку сомнений в том, что всё из-за женщины, у него не было никаких.

– О, брат! —многозначительно протянул Винниченко. – Это, знаешь ли, была не женщина! – и, помолчав, он добавил, сохраняя серьёзное выражение на лице: – Это была машина.

– Машина для чего? – не понял Н. И.

– Для разрушения мужиков, – пояснил Винниченко и, схватив приятеля за локоть, спросил, заглядывая тому в глаза: – Знаешь, как она мне представилась?

– Как?

– Я, говорит, Кристина. Кристина, как машина-убийца у Стивена Кинга.

– Жуть! – добродушно иронизировал Н. И. – Видимо, японцы поставили производство женщин-андроидов на поток, и те вышли из-под контроля? – добавил он, вспоминая глупую новость, услышанную утром по радио.

Разговаривая, они незаметно добрались от церкви до автомобиля Гаврилова и сели в него.

– Напрасно смеёшься, – серьёзно заметил друг, ворочаясь в автомобильном кресле. – Из-за неё я в такой переплёт угодил!

Н. И. завёл двигатель, но решил не трогаться с места до тех пор, пока не дослушает истории.

– Да в какой переплёт? Рассказывай уже, наконец.

– Короче говоря, слушай, дружище.

Винниченко в подробностях рассказал о своём приключении с Машиной-Убийцей Кристиной. Внимательно выслушав его, Н. И. заразился от друга мистическим настроением и в тон беседе заметил:

– А со мной, представляешь, тоже сегодня случилось событие!

– Какое? – участливо поинтересовался Винниченко.

– Я призрака видел у себя в коридоре!

– Да ты что! А на кого он был похож? Это важно!

– На лысого мужика из рекламы. Мистер Пропер веселей, в доме чисто в два раза быстрее! – шутливо напел Н. И.

– Нет, правда? – Винниченко демонстрировал искреннее любопытство. – Просто на лысого мужика из рекламы?

– Ага.

– Мистика какая-то, – он сложил руки за голову, – согласишься, что мистика и чертовщина?

– События действительно странные, – согласился Н. И.

– И на первый взгляд, как будто несвязанные, – подхватил Винниченко, – но что-то мне подсказывает, что связь здесь присутствует!

– Да Бог с тобой, Директор! Между мистером Пропером и Машиной-Убийцей?

– Ты, кстати, когда крестишься? – внезапно сменил тему Винниченко. – Креститься тебе надо, брат, к Богу прийти. И ещё, – добавил он, – я бы на твоём месте квартиру освятил. Есть у меня один знакомый батюшка...

– Нет, нет, нет и нет, – запротестовал Гаврилов, – к вере, понимаешь, надо прийти путём осознанного духовного роста, а не так, что крест повесил на пузо и будь здоров!

– Причём тут пузо? – в шутку обиделся Винниченко, погладив огромный живот, обтянутый майкой с изображением Че Гевары, которую он привёз из недавнего своего путешествия на Остров Свободы. – Неправильно ты рассуждаешь, Н. И.! Сначала крестись, а потом уж Бог тебя сам направит.

– Тебя направил? – язвительно поинтересовался Н. И. у друга.

Своё отношение к религии он считал делом интимным настолько, что не любил его обсуждать даже с очень близкими людьми. Тем более что легко увлекающийся Винниченко не был для Гаврилова духовным авторитетом. За последние несколько лет Тарас Григорьевич успел побывать убеждённым буддистом, кришнаитом, а однажды даже чуть было не принял иудаизм. Религиозное самоопределение его зависело целиком от компании бизнесменов, в которую он попадал, с кем вёл дела и тесно общался. Стоило какому-нибудь влиятельному человеку обронить фразу вроде: «Знаешь, вчера в церковь ходил, свечку поставил, и жизнь супружеская наладилась», или: «Медитация мне помогает, настраивает на нужную волну; недавно я тендер выиграл исключительно благодаря медитации», – как Винниченко заботливо укладывал услышанное в один из ящичков своей памяти, а после отыскивал в жизни иные указания на то, к какому течению стоит прибиться.

«Ты понимаешь! – обыкновенно делился он затем с Н. И. – Я сегодня сделал то-то, и это немедленно привело к тому-то! А мне про это ещё такой-то говорил! Но я ему тогда не поверил, а сейчас гляди сам! Ну, разве же это случайность?!»

Гаврилов улыбался, у него имелось самостоятельное суждение на указанный счёт.

– Ты понимаешь, дорогой друг, – сказал он и на этот раз, продолжая начатый разговор, – за несколько лет ты сменил пяток религиозных систем, а мой метод остался прежним.

– Вечно ты говоришь о каком-то там методе! – взмахнул руками Винниченко. – А я что-то никак в толк не возьму, в чём же он состоит?!

– Мой метод – прямая противоположность твоему отношению, – пояснил Н. И. – Вот ты поставил свечку и забыл о проблеме. Ты не дал себе труда задуматься о собственной жизни. Почему ты попал в переделку с Машиной-Убийцей? Где корни у этой истории? Что дальше делать, чтобы уж больше не попадаться? Не ответив на эти вопросы, ты и потом будешь раз за разом наступать на одни и те же грабли, ставить свечку, забывая о граблях и идти дальше, чтобы за углом снова получить по лбу. Удары только с каждым разом будут становиться сильнее.

– Так в чём же метод? – не выдержал Винниченко.

– Метод прост. Если в одном месте что-то убыло, значит, в другом прибыло, и наоборот – всё взаимосвязано! – продолжал Н. И. – Это если объяснять примитивно. Существуют определённые законы, определённые механизмы человеческой жизни, но они не универсальны; для каждого свои. Если ты потрудишься наблюдать за собой, за тем, что с тобой происходит, то скоро их заметишь. Наиболее простые из них очевидны, до других нужно докопаться. Надо только наблюдать, думать, анализировать. А это наиболее тяжкий труд, которым обычно никто не желает заниматься.

– А Бог? – спросил Винниченко, думая, что своим вопросом срезал друга, найдя брешь в его рассуждении. Но Н. И. давно уже подумал и на эту тему.

– Бога предлагаю оставить за скобками, – ответил он, – я изучаю механизм, вижу его работу – этого мне достаточно.

– Голая какая-то у тебя выходит механика! – воскликнул Тарас Григорьевич.

– Повторяю, всё гораздо сложнее. Мой метод – это не механика и не математика. Тут нет какой-то теории. Я просто постоянно анализирую свой опыт и ставлю определённые эксперименты.

– Эксперименты над собой? – в притворном ужасе отшатнулся Винниченко.

– Выбор у нас невелик, – отвечал Н. И., – либо ты сам ставишь над собой эксперименты, либо их над тобой ставят. Пройдя через десяток экспериментов, ты вырабатываешь то, что я называю *правильное* отношение к жизни. Иными словами, ты получаешь ключи к ситуациям, и, когда они с тобою случаются в полевых условиях, ты уже знаешь, как себя надо вести.

– Всё это звучит ужасно, брат, – посетовал Винниченко. – Теперь понятно, почему от тебя пахнет больницей, хоть ты и не врач.

– Это туалетная вода, – с улыбкой заметил Н. И.

– Смени её.

– Мне нравится.

Винниченко сладко потянулся в кресле:

– Ты, конечно, как знаешь. А по мне, уж лучше грешить, а после Богу молиться, – он перекрестился, глядя на храм, – чем вот так маяться. Одного только понять не могу: что заставляет тебя поступать *правильно*, если Бога ты выносишь за скобки? И что вообще тогда *правильно*?

– Поступать *правильно*, – объяснил Н. И., – это значит поступать, не нарушая принципа собственного психологического равновесия. *Правильно* – то, что соответствует только мне, то, что меня не разрушает. Я, например, человек совестливый, воспитанный в коммунистической морали, которая многое взяла от христианства, – для меня, следовательно, одно *правильно*; для тебя – другое; для дикаря с берегов Амазонки – третье. Объединяет нас вот что: мы не должны разрушать собственную психологическую целостность, за которой следует распад тела и смерть.

– А если мне для сохранения психологической целостности требуется убивать и насиловать, тогда что? – спросил Винниченко.

– Так не бывает, – уверенно возразил Гаврилов.

– Э, брат, – Тарас Григорьевич шутливо погрозил другу пальцем.

– Ну, а вот ты, – продолжал Н. И., которого уже захватил азарт спора, – оставляешь Бога внутри скобок и тем не менее часто поступаешь неправильно! Так есть ли тогда тебе польза от Бога?

– Помилуй, брат! – опять замахал руками Винниченко. – Что значит «польза от Бога»? Бог не микроволновка!

– Согласен, – признал Гаврилов, – для тебя он вечное оправдание.

– Да, я грешу, – запальчиво произнёс друг, – и помаленьку, и помногу, но Бог меня спасает от самого главного греха – от гордыни! Кто я перед ним? Козьявка! Что мои грехи, даже самые страшные? Козьявкины грехи. Я понимаю своё место и не горжусь.

– И заодно снимаешь с себя ответственность, – закончил Н. И.

– Да, я безответственный, – согласился Винниченко, – у меня две жены и четверо детей, которых я толком не содержу и не воспитываю. Так что с того? Им есть нечего? Жить негде? Они умирают? Дочери стали проститутками, а сын – наркоманом? Нет. Ведь нет, дорогой брат! Может, я и задуман таким вот безответственным человеком, и поэтому никто не страдает от моей безответственности?

– Конечно, это твоя жизнь, – сказал Н. И., – и ты делаешь с ней то, что захочешь. И всё-таки на твоём месте я бы попытался как-то разрешить ситуацию.

– А чего ж тут ещё разрешать? – удивился Винниченко. – Я всё, что надо, уже сделал: Богу помолился, тебе рассказал! Сейчас вся надежда, – он поднял глаза наверх, – на высшие силы! Само собой как-нибудь образуется.

– Может, подключить кого, – попытался предложить Н. И., имея в виду связи Анны Геннадьевны, – чтобы тебя больше не дёргали?

– Я же говорю тебе, не волнуйся, всё само собой рассосётся. У меня уже сто раз так бывало. Ни к чему суетиться.

- Ну, раз ты сам не считаешь ситуацию серьёзной, – пожал плечами Н. И.
- Она была серьёзной, – Винниченко посмотрел на храм и перекрестился, – а теперь нет.

IV. Машина-Убийца

– Ну, Директор, первый вопрос тебе, – Бумер приложил нос к душистой сигаре, и его ноздри со свистом отполировали гладкую восковую поверхность. – Как кубинки?

– Понимаешь, я жил в Варадеро, а это такая отдельная провинция. Типа специально для туристов...

Собеседники находились в офисе компании «Каменный сад», в том самом кабинете, который Директор делил со своим партнёром Гавриловым. Диалог имел место в понедельник вечером, то есть примерно за сутки до беседы друзей возле Храма-на-Крови.

Несмотря на то что Бумеру и Директору исполнилось почти сорок, общались они совершенно как легкомысленные завсегдатаи интернет-чатов лет четырнадцати-пятнадцати.

Бумер отнял сигару от носа и, держа её вертикально, внимательно оглядел, поворачивая большим и указательным пальцами. Сигара была безупречна. Аккуратно скрученная трудолюбивой мулаткой, она напоминала короткую и толстую ароматическую свечу.

– И?

– Ну и короче, туда обычных кубинцев типа не пускают, кроме персонала. Кордоны, посты. Все дела. Строго всё. Просто пипец. Как будто вообще другая страна! Варадеро отдельно. Куба отдельно.

Бумер искал глазами гильотину. На низком журнальном столике стояли бутылка рома десятилетней выдержки, две бутылки «Колы», грязная пепельница, пластмассовые стаканы, открытая коробка с сигарами, валялись огромных размеров спички и нож.

– А гильотина где? – спросил Бумер.

– А гильотины нет, извини, брата.

– Чё, не мог гильотину что ли купить приличную?

– Ну, млядь, извини, брат, я и так потратился!

– Чем теперь конец отсекать, позвольте спросить, уважаемый Тарас Григорьевич? –

Бумер поцарапал ногтем гладкий скруглённый кончик сигары.

– А вы свой конец-то поберегите. Он вам ещё пригодится когда-нибудь. Девочек портить.

– Так ведь я же совсем о другом конце вам толкую. Экой вы не понятливый, ей-богу.

– С другого, значит, конца заходите, батенька?

– Именно. Именно так, – подтвердил Бумер.

– Ну, так я вам вот что скажу: вы возьмите нож да дырочку кончиком и проковыряйте. И курите на здоровье, как сэра Уинстон Черчилль.

– Дудки, – ответил Бумер, – мы уж тогда по-рабочекрестьянски.

Нагнувшись из кресла к столу, он закричал и принялся срезать ножом кончик сигары. Тупое лезвие соскакивало и стучалось о стеклянную поверхность. Хрупкий табачный лист лопался и крошился.

– Со столом аккуратнее. Не казённый всё-таки. Мне за него Н. И. счёт выставит!

– Стараюсь, – пробормотал Бумер. – А ведь ножичек-то у Вас скверный. Совсем тупой, – и, отложив нож, он с облегчением откинулся обратно в кресло, жирно склеивая взлохмаченные края толстым языком.

– Огоньку, – попросил он и, дождавшись, пока услужливо поднесённое пламя с краёв подпалило сигару, втянул в себя воздух сквозь плотно спрессованные табачные листья. Сигара издала треск, загудела, как подбирающийся издали лесной пожар, и выпустила первый зелёный вяжущий дым.

– Благодарю. Ну, так что там с кубинками? – спросил Бумер.

– Так я же и говорю: жил в Варадеро, а там...

– Ты короче скажи: было или не было, – строго оборвал Бумер.

– Не было.

– Ну и хули ты тогда... – Бумер хотел продолжить, но огорчённо махнул рукой. – Считаю, зря съездил.

– Так я ж не за блядьми ездил!

– А зачем же, ёб-б-банавро?

– За впечатлениями.

– Да ты ебанулся!

Бумер издал ироничный смешок, выразивший крайнюю степень недоверия, шлёпнул себя по ляжке и, выпустив к потолку целую грозовую тучу, зашёлся в истерическом кашле.

– А кто говорил, – всё ещё кашляя, спросил он, – кто говорил: «Я туда еду, потому что там бляди – доллар ночь»? А?

– Не говорил я такого.

– Не мзди, сцуко.

– Не говорил.

– Вот мздун! – Бумер ткнул в собеседника пальцем, желая пригвоздить к позорному столбу. – Смотри, какой мздун!

– Я ехал за одними впечатлениями. За природой. А бляди меня вовсе и не интересовали.

– Там что, вообще блядей не было?

– Не было. В Варадеро.

– А в других-то местах хоть были?

– В других были. До хуа. Доллар – ночь.

– Так что ж ты, не мог за ними съездить, ёб-б-банавро?

– В этом-то весь и цимус! Там бензин дорогой. Чтоб за ближайшей блядью стонять, надо таксисту отдать триста долларов! Я подумал, что за триста долларов я тут в Бурге так могу зажечь!

– Да ты ебанулся!

– Ни хуа.

– Засада какая-то: блядь – доллар ночь, а чтоб за ней стонять, надо отдать триста долларов!

– Засада полная, Бумер.

– Полная, ёб-б-банавро, я так считаю!

– Ты думаешь, я бы не... если б была возможность? Да я бы... Ты вон ром пей лучше. Реальный ром. Кубинский. Аньехо – очень старый.

– Да я не стану, – ответил Бумер. – Я вот лучше лока-локи выпью.

Он потянулся за бутылкой. Два года назад Бумера укусил энцефалитный клещ. С тех пор он не употреблял алкоголь. Из соседней комнаты донеслось громкое уханье и крики «ура!»

– Ничего у тебя подчинённые зажигают! – прокомментировал Бумер.

– Ага, – согласился Директор, – я им тоже рому привёз, только другого, дешманского. И сигар. Короче, гуляй, рванина!

– А сигары-то, поди, вообще за углом купил в киоске по 40 рублей за штуку? – съязвил Бумер.

– Обижаешь! – склонил голову набок Директор. – Не «Коиба», конечно, но и не полный отстой, скажу я тебе. У меня в последнее время дела неплохо идут. Могу и подчинённых побаловать.

Рассказывая о делах, он никогда не упоминал Н. И. в качестве партнёра и не говорил «у нас» или «наш бизнес», но всегда «у меня» и «мой». Происходило это не от злого умысла, не от желания присвоить себе чужое, а в силу эгоистической жилки Тараса Григорьевича, который во всём и всегда видел одного только себя.

– Колись давай, к кому присосался, сцобаго? – спросил Бумер.

Директор загадочно улыбнулся.

– Есть одна тема. Я возврат НДС мучу.

– Молодца, хуле, – не без зависти заметил Бумер, хлебая лока-локу.

– Кстати, лока-локи на Кубе нет вообще, – сказал Директор. – Приколись, нах!

Он стоял посреди офиса в красной майке с культовым изображением Че Гевары на брюхе и пиджаке от Zegna. В зубах Директор держал пыхающую сигару, в руках – стакан рома. Стоя ему удобнее было рассказывать.

– Да? А чё так? – поинтересовался из кресла Бумер.

– Беднейшая страна! Кругом одна нищета. Лока-локу никто себе не может позволить, кроме туристов. Потому что дорого, мля.

– А чё они пьют?

– Газировку. С сиропом.

– Советский Союз, ёб-б-банавро!

– Советский Союз реально! Я первый день приехал: кругом наши тачки гоняют, «москвичи», «жиги», «запорожцы». И жиги, приколись, одна классика! Никаких новых моделей! Думаю, всё back in USSR, нах!

– Ну дак и чё, тебе понравилось или нет, ёб-б-банавро?

– Ты знаешь, с одной стороны, понравилось. Какая-то ностальгия была, а с другой, неприятно, когда все кругом нищие. Зарплата девять долларов в месяц, прикинь! Реально страшно ходить по улицам. Только от своих отбил, сразу начинается. Попрошайничество и разное там: «Руссо, руссо, уон э сига?» Одному чуваку так сигару из банановых листьев впарили. Реально из банановых листьев! Приколись, нах!

– Наебали не по-детски, я считаю, – вставил Бумер.

– Реально наебали. И так на каждом шагу. Все наябывают, все денег выпрашивают, все в рот тебе смотрят. Не успел дожрать – уже кто-нибудь подбегает за объедками. Праздничное блюдо у них, прикинь, рис с чёрными бобами. Мяса вообще не едят, нах. Дорого. Короче, пипец полный!

– Ну, а достопримечательности там есть какие-нибудь?

– Да какие, нах! Все их достопримечательности – места, где был Хемингуэй. Тут жил Хемингуэй, тут ел Хемингуэй, тут срал Хемингуэй, тут Хемингуэй пил свой мохито. И каждый гид, мля, тебя тащит в свой бар, где имеет откат, и активно тебе втирает, что именно здесь и делают тот самый настоящий мохито, а в остальных барах не мохито, а так – говно. И что ты думаешь, мне там мохито реально принесли с червями. Которые на мяте живут! А в другой раз лежу на пляже, спросил мохито, а у чувака мята закончилась. Он, короче, не потерялся, метнулся тут же за наше бунгало, нарвал там мяты и мне несёт. А я за тем бунгало реально недавно ссал! Приколись, мля, сервис!

– Ах-х-хуительно, я считаю, – ответил Бумер между двумя затяжками.

– И несмотря на это, – продолжал Директор, – народ, мля, весёлый, пипец! Поёт, танцует. Один негр с барабаном выйдет на улицу, и тут же вокруг него толпа, и все пляшут. А песни какие поют! Сейчас дам тебе послушать. Я целый диск нарезал.

Он подошёл к дивиди-проигрывателю, вставил диск и нажал кнопку воспроизведения.

Полная кубинка с немного печальными карими глазами запела. Её голос будто бы следовал за прихотливыми извивами сигарного дыма:

– Ко-ман-да-а-анте Че Ге-ва-а-а-ра....

Казалось, что она горюет по своему мужу, убитому на гражданской войне.

– Так, слушай, – спросил Бумер, – а чё, ты там русскую тёлку никакую не отодрал?

– Да это вообще нереально. Все русские тёлки, которые со мной приехали, с таким были горором! Богини, нах! Супермодели! Не подойти.

– Да не мзди! Так и скажи, что не умеешь тёлку снимать, мля!

- Хуль ты пиздишь-то, ёб-б-банавро! Умею я тёлочку снимать, и сам не мзди.
- А я говорю, не умеешь ни хуа! Реально не умеешь снимать тёлочку. Был на Кубе и вернулся неёбаный. Значит, не умеешь!
- Да я тебе щас наваляю!
- Да я сам щас тебе наваляю. Держите меня трое, я ему наваляю! – Бумер вытянул вперёд сжатые кулаки и сделал вид, что собирается подняться из кресла, но Директор первый подошёл к нему и в шутку приплюснул его нос кулаком со словами:
- Вот тебе, сцуко.
- Отстань от меня, отстань немедленно, – замахал руками Бумер. – Не трогай меня.
- Спорим, – сказал Директор, – что мы сейчас погоним в любой бар и я там сниму тёлочку? Спорим? – он сунул ладонь Бумеру.
- Бумер не спеша вынул сигару изо рта, вытер губы и переспросил:
- В любой?
- В любой! – запальчиво крикнул Директор.
- Вот и поехали в «Ирландский паб», – хитро прищуриваясь, предложил Бумер.
- Поехали, нах!
- А на что спорим-то, ёб-б-банавро? – решил уточнить он.
- А хоть на что, нах!
- Давай на коробку сигар? – Бумер с вожделением покосился на коробку, в которой аккуратно, одна к одной, лежали толстые ароматные сигары.
- Давай, мля. Разрубаем?
- Руби, ёб-б-банавро!
- Куба либре, патриа о муэрте! – сказал Директор и разрубил.

* * *

- Ты знал! Ты всё знал, сцуко! И спецом всё это подстроил! – возмутился Директор.
- Ты сам, сцуко, сказал в любой бар, нах! – ухмылялся Бумер.
- В любой бар, где есть тёлки! – Директор растерянно оглядывался по сторонам. – А тут одни мужики!
- Не было такого условия! – категорично возразил Бумер. – Ты сказал: в любой бар, и точка!
- Оба приятеля ютились за барной стойкой. Вокруг них потные, рано поседевшие яппи без галстуков шумно болели за сборную России против сборной Лихтенштейна или Монако. На экранах телевизоров бегали человечки в разноцветных трусах и майках и пинали друг другу крохотный белый мяч. В сизой никотиновой атмосфере среди сытых отрывков и красных рож сновали неутомимые официантки. Каждая из них доставляла за раз по четыре пивных кружки.
- Директор вынул из-за пазухи две сигары и скрепя сердце протянул одну Бумеру.
- Сдаётся мне, Тарас Григорьевич, – раскуривая сигару, сказал Бумер, – что это уж не вы меня, а я вас сигарами потчую, потому как шансов у вас, – он обвёл взглядом утонувшее в дыму помещение, – никаких.
- погоди, Бумер, ещё не вечер, – ответил Директор, кивком головы указывая прямо перед собой, – Вон наш контингент.
- За столом напротив – о, чудо! – сгруппировались в тесный кружок бизнес-леди, решившие поболеть.
- Бумер скептически хмыкнул. Компания женщин излучала наружу такую же самодостаточность, как композиция из правильно составленных кеглей.
- Зацени, – стряхивая пепел с кубинской сигары, Директор катнул в сторону женщин свой особенный бархатный взгляд, в котором инерция тяжёлого шара для боулинга соединилась

лась с желанием игрока выбить страйк. Затем, балансируя на высоком стуле всей массой своего буржуйского тела, он сделал попытку отогнуть борт пиджака, чтобы продемонстрировать лейбл Zegna. Оставалось ещё взмахнуть рукой, чтобы дорогие швейцарские часы выпорхнули из манжета на волосатое запястье, а потом, брезгливо скривившись, согнуть руку в локте и посмотреть на циферблат.

Манёвры, однако, были замечены раньше. Одна из бизнес-леди шепнула что-то своей приятельнице, сидевшей спиной к Директору. Что именно, Директор не успел понять, захваченный эротической сценой. Губы говорившей отстранились от уха собеседницы и осторожно коснулись края бокала. Маслянистое белое вино потекло медленно по вогнутой стеклянной стенке в сторону раскрытого алого рта. Лукавый женский взгляд, словно нежная шёлковая петля, обхватил шею Директора.

Он встрепенулся, уловив намёк на возможное знакомство, и начал уже осторожно сползать со стула, как вдруг сидевшая спиной подруга обернулась, окинула насмешливым взглядом его живот с изображением Че Гевары и отчётливо произнесла:

– Мне тоже та-а-а-ак смешно, когда взрослые мужики одеваются как мальчишки! Вам никто не говорил, – иронично продолжала она, – что носить пиджак с футболкой – признак дурного вкуса?

– Бу-га-га-га-га! Ты понял! – Бумер раскололся от смеха и хлопнул смешавшегося Директора по плечу. – Опустили, нах!

– Сцуко! – тихо выругался Директор и удивлённо посмотрел на сигару так, как будто впервые держал её в руках. – Я реально считаю, что этой бабе самое место в дешёвом женском сериале типа «Секс в большом городе», а не в великом кино про Директора и его товарища Бумера!

– Реально проспорил, я так считаю, – сказал Бумер. – Давай сюда сигары!

– Да подожди ты, – вяло отбивался Директор.

– Давай, говорю, сигары, а не то я тебе навалю!

Одной рукой Бумер схватил Директора за грудки, а вторую запустил за борт пиджака.

– Где карта, Билли, нам нужна карта! – приговаривал он.

– Нету у меня никакой карты! – огрызнулся Директор и неожиданно закричал резким фальцетом: – Нет, нет, не отдам!

– Куда же ты их спрятал, паскуда?!

– Я их не брал с собой!

– Не мзди, сцуко!

– Я их оставил в офисе!

– Мздишь! Я видел, ты брал с собой четыре сигары, а мы выкурили две. Значит, две ты куда-то заныкал!

– Нету у меня никаких сигар!

– А если найду?

– О, смотри, это же Эдик! – перебил Директор. – Бандит!

Отпустив его, Бумер повернул голову и внимательно оглядел бар.

– Где?

– Вон.

– Да где, нах?

– Да вон. Я его крузак ещё перед входом увидел. А вот и он сам тусует. С бабами.

– Реально с бабами. Причём, – Бумер поднял указательный палец, – с двумя. И где он их набрал, вот что интересно?

– Где! Он модельное агентство теперь держит «Елена Прекрасная». Говорят, всех своих Елен перетрахал. Парис, блин, недоделанный!

– И чё, ты с ним реально знаком? – недоверчиво прищурился Бумер.

– Знаком. Но шапочно.

– И чё он, бандит? Вот прямо реальный? – Бумер сделал «козу» на обеих руках.

– Реальный был, нах. А теперь легальный.

Эдик был шупловатый, весь какой-то подламывающийся и манерный мужчина. Он слонялся по помещению, приставал к разным компаниям, со всеми пил, со всеми обнимался и фамильярничал. Вокруг него хихикали две пьяные модельки. Закладывая очередной вираж, он заметил у барной стойки Директора и заорал, поднимая вверх стаканчик с водкой:

– Красава!

Директор кисло улыбнулся в ответ и махнул рукой, успев шепнуть Бумеру:

– Сейчас на ухо присядет, не отцепится.

Эдик, наталкиваясь на официанток, упрямо пробирался сквозь толпу. Минуту спустя он уже пьяно покачивался перед Директором и выжидающе ухмылялся. На локтях у него повисли модели. Директор слез со стула и пожал холодную вялую руку бандита, всю в мелких рыжеватых волосках.

– Ну? – наконец спросил Эдик, доверительно трогая Директора за локоть. – Как там кубинки?

– Блин, а ты-то откуда знаешь?! – искренне удивился Директор.

– Хм! Красава! – ответил Эдик, сверкая улыбкой. – Сам же мне хвастался, что на Кубу собрался!

– А-а-а-а. Теперь реально вспомнил.

– Ну, так ты, поди, слетал?

– Слетал.

– Супермен!!! – бандит энергично похлопал Директора по плечу. – Супермен, а невесты? – обратился он к моделям.

– Ты понимаешь, я жил в Варадеро... – начал Директор.

– Да ты короче скажи: было? – перебил бандит и, не дав ответить, расплылся в улыбке. – Ой, было. Ой, было. Нашёл себе невесту. Мулатку-шоколадку. Чунга-чангу, блин, чернопопую! Двадцать семь капель! – заорал он бармену и обрушил маленькую опустошённую рюмку на стойку. – Ну, а вы, невесты, что? Тоже по водочке?

– У-у-у, – укоризненно ответила первая блондинка. – Как можно предлагать дамам водку! Се моветон! Мизерабль!

– Мизер, бль? – переспросил Эдик. – Это не мизер, бль, а целых пятьдесят грамм! Бармен, водки!

– Сам пей свою водку! – сказала вторая блондинка. – Я буду пинаколаду.

– Девчонки! – хитро запел Эдик. – Девчонки! По двадцать семь капель, и завтра в школу не идём!

– А я – «Кровавую Мери», – сказала первая блондинка.

– Двадцать семь капель! – настаивал Эдик и вертелся, как джин.

– Иди к чорту! – выругалась первая блондинка.

Слово «чёрт» она произносила на старорусский манер через «о».

– Всё. Сдаюся. Сдаюся, невесты, – покорно занудил Эдик и поднял руки. Стоя с поднятыми руками, он проорал бармену: – Бармен, не надо водки! Дамы выёбываются. Одну пинаколаду и одну «Кровавую Мери».

– Да покровавей, – сказала первая блондинка и затянулась папироской «Вирджиния слимз».

Эдик опрокинул стаканчик. Хрустальная дуга, сверкнув в воздухе, нырнула ему в глотку. Зубы закусил и варварски изжевали лимон. Роба скорчилась от кислотности.

– Эдик, сигару? – Директор, как фокусник, ловко извлёк из внутреннего кармана пиджака сигару и торжествующе посмотрел на Бумера.

– Мыффффа-а-а-а, – ответил Эдик и, осторожно взяв сигару, отчётливо произнёс: – О-о-о-о! Спасибо, братуха.

Бумер ругнулся вполголоса. Директор транжирил его сигары!

– Натурально, «Коиба»! – похвастался Директор.

– Мг, – раскуривая, отозвался Эдик, – Фиделю большущий привет!

Модели сделали вид, что закашлялись.

– Что в них хорошего. Одна вонь, – сказала вторая блондинка.

– Какие дальнейшие планы на отдых? – поинтересовался Эдик.

– Сейчас тут потусуем, а потом домой, нах. Кефир, клизму и в койку, – ответил Директор.

– Нет, братуха, я в плане, где следующий отпуск проводить будешь?

– Не знаю. Зовут на Бали. Я на Бали ещё не был. В Кению зовут. Одна знакомая в Лондон приглашает на Рождество. А я ей говорю, на фиг мне твой Лондон! Холодно. Сыро. Фригидные англичанки. Не знаю. Предложений куча. Но я ещё не определился. Выбираю.

– А погнали, братуха, в Таиланд! – мечтательно хлопнул его по плечу Эдик. – Вот уж там, говорят, невесты! Такие, блин, невесты беж двух передних жубов! Ы-ы-ы-ы.

– Ага, и с членом между ног! – вставила вторая блондинка, а первая почему-то нахмурилась.

* * *

Бумер мыл руки и внимательно осматривал себя в зеркало. Пока Директор трепался с бандитом, он незаметно выскользнул в туалет.

Лицо Бумера приобрело отчётливый серо-зеленый оттенок. Вторая сигара, выкуренная натошак, дала совершенно неожиданный результат. С одной стороны, было хорошо и даже очень: сигара, как ракета, вынесла сознание на орбиту, и сознание вращалось теперь в состоянии необыкновенной эйфории и ясности. С другой – ощущение неминуемого приземления приближалось: к горлу подкатывали рвотные массы.

Мало кому удаётся достичь такого умопомрачительного состояния, когда ты счастлив и тебя одновременно тошнит. Две сигары на голодный желудок и несколько стаканов локалки – верное средство.

Бумер решил, что ему нужно проветриться, и вышел на крыльцо. От глотка свежего воздуха перед глазами замелькали круги. Стояла тёплая сентябрьская ночь. Бумер полюбовался звёздами, окинул взглядом стоянку с припаркованными автомобилями и отошёл в кусты. Блевать. До туалета он бы не дотянул.

– Бумер, – окликнул его голос Директора.

– Чё, нах? – обернувшись, Бумер увидел, что Директор стоит на крыльце под руку с первой блондинкой.

– Погнали тусить!

– Иду, нах, – вытирая губы носовым платком, Бумер выбрался из кустов.

– Знакомся: Кристина, – представил блондинку Директор. – Кристина, это Бумер.

Блондинка была супер. Может, чуть полновата в бёдрах, но в целом супер! В розовой блузке, под которой грудям было тесно, в расстёгнутой красной кожаной курточке, в джинсах со стразами, в красных кожаных полусапожках и с красной кожаной сумочкой. Бумер понял, что Директор стал богаче на одну коробку кубинских сигар.

– Очень приятно, – грудным голосом проворковала Кристина.

– Взаимно, – ответил он и отвесил галантный поклон, незаметно за спиной выбрасывая испачканный платок.

Чёрный «мерин», принадлежавший Директору, ждал их на парковке.

– Эн, ноль, ноль, один, а, хэ, – прочитала блондинка, – понтовый номер!

– Первый, НАХ! И не эбёт! – похвастался Директор. – Прошу!

– Куда поедем? – спросил он, когда все трое сидели в машине: Бумер впереди, блондинка сзади.

Кристина назвала адрес.

Легко и свободно «мерин» вырулил с парковки и понёлся по ночному Бургу, собирая отражения огней на лобовое стекло.

Всю дорогу Директор был подчёркнуто молчалив. Спокойно крутил баранку одним пальцем так, будто единственной целью было доставить блондинку по известному адресу. Бумер сидел как на иголках. Блондинка могла уплыть, а вечер – потерять таинственность и пикантность.

– Кристина, можно задать вам один провокационный вопрос? – наконец решительно произнёс Бумер.

– Валяйте, – ответила блондинка скучающим тоном.

– Кристина, вот Вы какую музыку предпочитаете слушать?

– По настроению: иногда рок, иногда рэп, иногда Бритни Спирс.

– А вот у моего друга в офисе есть прекрасный сборник революционных кубинских песен...

– Мы едем домой. Кристине пора спать, – неожиданно перебил Директор.

– У-у-у-у, – сказала блондинка, – какой суровый. Суровый мужчина!

– Да, я такой, – отозвался Директор, – настоящий команданте!

– А я, напротив, совсем несуровый! – вставил Бумер, – В связи с чем у меня есть предложение...

– Никаких предложений, – нервно возразил Директор, – домой и в койку. Всё, нах.

– Почему? Почему? – возмутилась блондинка и с интересом спросила. – Какое предложение?

– Руки и сердца, – пошутил Бумер.

– У-у-у-у-у! ЗАГС, к сожалению, уже закрыт! – сказала она.

– У меня есть знакомый католический священник, который тайно вас обвенчает, – сквозь зубы сообщил Директор.

– Мне надо подумать, – кокетливо произнесла блондинка.

– А чё тут думать?! – воскликнул Бумер. – Погнали тусить!

– Куда?

– К нему в офис, – брякнул Бумер, кивая на Директора.

– Нет, я девушка приличная. Ночью в офисы к незнакомым мужчинам не езжу.

– Так мы уже познакомились!

– Не настолько близко.

– Да ладно, Кристина, мы же тебя не в баню зовём, а в офис. Приличное деловое место! – возразил Бумер.

– И что мы там будем в офисе делать?

– У него крутой офис! У него дивиди, караоке, ром сигары, кожаный диван....

– Всё это меня настораживает. Особенно, – подчеркнула блондинка, – кожаный диван!

– Ну что ты! Разве мы маньяки?

– Да, мы маньяки, – неожиданно вклинился Директор. – Мы заманиваем сладких сочных блондинок в мой офис и там их потрошим, нах! Поэтому, если не хочешь оказаться частично у меня в холодильнике, ни в коем случае не соглашайся.

– Никогда ещё не тусовалась с маньяками! – в голосе блондинки слышались нотки восторга.

– Согласись, что в этом что-то есть, – насел Бумер.

– В том чтобы меня съесть? О-о-о-о-о!!!!

- Или хотя бы освежевать! – вставил Директор.
– Жевать! Да, мальчики, что-то это значит по Фрейду!
– А тебе нравится Фрейд? – спросил Бумер.
– Что ты, он же умер.
– Как умер? – удивился Директор. – Вчера только с ним пообедали! Он мне про эдипов комплекс рассказывал!
– Про Эдилов комплекс? – переспросила блондинка.
– А у Эдика есть комплексы?
– Да уж конечно! Он парень без комплексов! – зло отозвалась Кристина и сообщила: – А вы прикольные. Жаль только, что мы почти приехали.
– Как? А в офис разве не едем? – огорчился Бумер.
– В другой раз, маньяки. Когда светло будет.
– Жаль, а так могли бы зажечь! В темноте.
– Здесь куда? – спросил Директор, сворачивая во дворы.
– Здесь налево. Та-а-ак, – блондинка подалась вперёд, и Бумер ощутил, как её дыхание, пахнущее перечной мятой, ласкает его лысый затылок, – а там дальше... там. Да. Вот тут. Тут направо и всё прямо, прямо, во-о-о-он до той девятиэтажки...
Её объяснения прервал писк мобильного.
– У тебя эсэмэска, – сказал Бумер Директору.
– Это не у меня, нах!
– А у кого, ёббанавро?
– Это моё, – ответила из темноты блондинка.
Она раскрыла крохотный телефон-книжку, и её лицо осветилось снизу голубоватым сиянием.
– Приехали, – коротко констатировал Директор, когда «мерин» взобрался на тротуар перед подъездом и замер.
Бумер смотрел прямо перед собой и сожалел о неудавшемся вечере.
Блондинка не ответила и даже не шевельнулась.
– Приехали, – на всякий случай повторил Директор, чуть повернув голову в сторону безмолвия на заднем сиденье.

* * *

Утром Директор проснулся просветлённым. Просветление длилось ровно до того момента, пока он не попытался оторвать голову от подушки.

– Пил! – обречённо подумал Директор, и в тот же момент его виски сдавил мучительный спазм.

Он решил полежать какое-то время без движения и восстановить события вчерашнего вечера.

Проснулся Директор во всяком случае в своей, как он называл её, «нехорошей» квартире, о существовании которой не подозревала его вторая жена. Значит, кто-то его привёз. Кроме Бумера сделать это было некому.

Директор скосил глаз туда, откуда шёл раздражающий музыкальный фон. Дивиди-проигрыватель работал. Телевизор показывал мультфильм «Том и Джерри».

«Значит, ещё и телек смотрел» – подумал Директор, нащупывая пульт и выключая надоедливую аппаратуру.

«Мерседес!» – мысль имела явно панический оттенок, но хладнокровие возобладало. «Надо Бумеру позвонить», – решил Директор.

Труба валялась под диваном, на котором Директора настигло пробуждение. Кстати, спал он в футболке с Че Геварой, пиджаке и брюках от Zegna, не застывая постель.

Непослушная рука после недолгих поисков наскребла телефон.

Ночью мобила отрубилась. Вероятно, из-за того, что сел аккумулятор.

Директор с тоской посмотрел в сторону телевизора. Зарядное устройство лежало там, на тумбочке. Добраться до него было непосильной задачей.

Директор надавил большим пальцем кнопку «вкл», выжимая из аппарата остаток жизни, и дождался, пока экран телефона слабо замерцал, показывая одно деление на шкале зарядки аккумулятора.

– Бумер! – прохрипел Директор.

– Алё! Алё, бля! – бодро закричал в ответ Бумер.

– Бумер, чё с «мерсом»?

– А чё с ним может быть? – удивился Бумер. – Я его вчера на стоянке оставил, где обычно, после того как отвёз...

Издав тщедушный писк, телефон умер.

У Директора отлегло, и он выбросил трубу под диван.

Через минуту он снова крепко уснул.

* * *

– Как в Таиланд, Эдик! – возмутилась первая блондинка. – Ты обещал на Новый год во Францию и со мной!

– Ну! Обещал! – хмыкнул Эдик. – Я сказал, может быть... Может быть, во Францию. Может быть, с тобой...

– Как может быть?! Я уже кучу турагентств оббегала! Какого чорта!

– Да не парься ты... – добродушно ответил Эдик.

– Я не парюсь. Я уже кипячусь, Эдик!

– Всё ещё кипятитесь? – вставил Директор. – Тогда мы идём к Вам!

– Ха! Красава! – хлопнул его по плечу Эдик. – Петросян! Юмор!

– Очень смешно, – оскорблённо ответила блондинка, – я вообще сейчас домой поеду.

– О! – оживился бандит. – Отличная идея! Красава, – обратился он к Директору, – ты же её довезёшь?

– Довезу. Базаров нет, – согласился Директор.

– Сплавить меня решил? – ядовито поинтересовалась блондинка, – Чтобы с этой остаться? – она кивнула на вторую блондинку.

– Сама напросилась, – ответил Эдик.

– Сама, да? Ах, сама? Ты думаешь мне не надоело, что ты, кроме меня, со всякими тупыми блондинками путаешься!..

– Думай, чё говоришь-то, дура, – покрутил пальцем у виска Эдик.

– А я всё терплю. А я всё прощаю. А какого, блин, чорта?

Резко схватив сумку, блондинка двинулась к выходу.

Директор понял, что она была не просто моделью, а имела, по всей видимости, статус постоянной подружки бандита.

– Слышь, красава, догони её, а? – попросил Эдик, тиская вторую блондинку. – Довези до дому. За мной не заржавеет.

– Базаров ноль, Эдик! – услужливо ответил Директор, слезая со стула. – Заплати только за нас с Бумером.

– Говно вопрос!

– Ну всё, я тогда поскакал.

– Ага, давай. Довезёшь, ладно? А то поздно. Папуасы разные по городу шастают. А невеста хорошая. Пряма сейчас бы женился! Вот прямо сейчас! Хоп, и в ЗАГС! – расхохотался Эдик.

– Ага, Эдик, – ответил Директор и пустился вдогонку за ускользящей блондинкой.

– А, юморист, – сухо сказала она, когда он нагнал её.

– Давай довезу, – ответил он.

– Спасибо. Не надо. Стой! – она резко остановилась перед дамской комнатой и вручила ему сумочку. – Держи. Только не шарься. Бриллиантов с собой не ношу, – после чего скрылась за дверью с изображением женского силуэта.

Время ожидания тянулось медленно. Изучая потолок, Директор подумал, что Бумеру он подаст всё таким образом, будто сам снял блондинку.

– Надеюсь, ты не на запорожце? – спросила блондинка, выходя из уборной.

Глаза её светились каким-то мстительным блеском.

– На «мерседесе».

– У-у-у-у-у. Круто. Тогда идём, – и она взяла его под руку. – Кстати, меня Кристина зовут. Как машину-убийцу у Стивена Кинга.

– А меня Тарас. Как Тараса Бульбу у Гоголя, – ответил Директор и глупо хихикнул, – но ты можешь звать меня просто: Директор.

* * *

Второе пробуждение было менее мучительным, чем первое. По крайней мере, теперь у Директора нашлись силы добраться до уборной и проблеваться.

Чувствуя крайнюю слабость, он заполз в ванну и включил тёплую воду.

Память напоминала плохо работающий пылесос. Маленькие порции воспоминаний с трудом засасывались через длинную узкую трубу и склеивались друг с другом. Большую часть памяти занимал пугающий вакуум.

Именно там, в этом вакууме, находился источник тревоги.

Выключив воду, Директор погрузился на дно, оставив снаружи одни только ноздри и непотопляемое пузо. Он ощущал себя плавучим останком какого-то большого животного: слона или бегемота.

Из состояния анабиоза его вывел звонок на мобильный. Уже частично заряженный телефон жужжал и прыгал по кафелю возле ванны, как живой боб. Схватив его, Директор вынырнул и, захлёбываясь тёплой невкусной водой, поднёс к мокрому уху.

– Алё, алё? – спросил он.

– Красава! – крикнули в ответ. – Красава, ну ты где, бля?! Всю ночь не могу до тебя дозвониться!

– А, Эдик, ты, – Директор потёр пальцем неожиданно зачесавшийся глаз. – Привет, Эдик.

– Здорово. Слушай, ты мою бабу вчера домой отвёз?

– Домой.

– Куда? По этому адресу? – Эдик продиктовал адрес.

– Ну да, – ответил Директор. – Хотя, знаешь, я не сверял. Это она мне адрес сказала. Дорогу тоже она показывала. А я просто отвёз, куда показали. Хотя вроде адрес тот.

– Там ещё девятиэтажки стоят колодцем. Помойка рядом, – полощился Эдик.

– Точно, – Директор вспомнил помойку, увиденную им в свете фар.

– И она чё? Вышла? И куда пошла?

– Пошла? К подъезду...

Тут Директора осенило. Вспышка, как скальпель, разрешила похмельный мозг. Он вспомнил холёную маленькую руку Кристины на своём плече и пахнущий мятой воркующий голос, который сказал: «Ну что, маньяки, зажжём?»

Мгновенно пылесос заработал в интенсивном режиме и всосал целую серию красочных воспоминаний. «Мерин», круто развернувшись у подъезда, рванул в сторону офиса. Ночной город превратился в длинную стрелу с наконечником из фонарей и оперением из мокрых деревьев, а время сжалось до точки.

Подъезд девятиэтажки – парковка перед офисом.

Директор с Бумером наперегонки бросились открывать заднюю дверь «мерседеса» и, толкаясь, помогли барышне выйти.

Офис встретил их тишиной кожаных кресел, а потом ожил, завибрировал латиноамериканскими ритмами. Как кобры, взвились дымы от сигар. Курили Директор с блондинкой. А Бумер предусмотрительно не курил. Ром замешался с пузырястой лока-локой. Директор и блондинка пили. А Бумер предусмотрительно не пил.

Зато Бумер отрывался круче всех. Бумер исполнял танец живота с задирием майки. Задирием перешло в стриптиз. Стриптиз закончился. Бумер остался в боксёрских трусах «Хуго Босс» в мелкую розовую клетку.

Блондинка выставила Бумеру высший бал и сказала, обращаясь к Директору:

– А у меня трусы со стразами. Хочешь, покажу?

Директора прошиб холодный пот, и он решил пока не вспоминать, что было дальше.

– Ты, блин, понимаешь, красава, она классная баба! – жаловался Эдик. – А я клоун! Я клоун, блядь, мне в цирке надо работать. Я ей вчера вечером скидываю: «Не хочешь групповушкой заняться? Я, ты и Катя». Это, ну, вторая баба. Ну, ты видел. Огонь, а не девка. «Если не хочешь, то мы тебя вычёркиваем». Понял? Вот ты стал бы своей невесте такое скидывать?

– Нет.

– Видишь! Ты нормальный. И Кристинка – тоже нормальная баба. А я псих. Я ненормальный. Мы же с ней пожениться собирались осенью. А зимой в Париж! В свадебное путешествие. А ты видел, как я вчера?

– Видел.

– Я ведь подлец? Скажи? – и, не дождавшись ответа, он продолжал: – Но я потом хотел всё загладить. Бля буду. Приехал к ней в полночь с корзиной белых роз. А её дома нет! Прикинь! Подруги говорят: «Не приходила». Я – звонить. Мобила отключена. Я – по городу. Все казино обрыскал, все дискотеки, все бары. Нигде нет. Как сгинула! Ну, думаю, стерва, окрысилась на меня! Мобилу, блядь, вырубил, развлекается с каким-нибудь фраером. Найду – вальну обоих! Ствол у меня с собой, ты знаешь. Или лучше: её вальну, а ему яйца отрежу по самое не балуйся!

– Ну и чё, нашёл? – спросил Директор, опускаясь в ванну, в которой стало вдруг холодно.

– Нет, на хуй. Не нашёл. Пока. Но у меня братуха. Он с операми в цветных. Он их попросил, они ищут. Ищейки. Найдут.

– Найдут, конечно, – уверенно ответил Директор

– Они с тобой перетереть хотят, – сказал Эдик.

– Со мной?

– Ну, для полноты картины.

– ...

– Чё молчишь, красава?

– Да я чё. Говно вопрос, Эдик!

– Ну так мы с братухой за тобой уже едем.

* * *

– Бумер, колись давай, чё вчера было? – с надеждой в голосе спросил Директор, едва закончился неприятный разговор с нервным бандитом.

Не отрывая ухо от телефона, он выбрался из ванны и досуха растерся полотенцем.

– Классно оторвались! – ответил Бумер.

Его немногословие убивало.

– А чё вообще было? Ну, в деталях, – попытался осторожно выведать Директор, оттягивая перед зеркалом нижнее веко.

Он не хотел, чтобы Бумер знал о его провалах в памяти. Но Бумера было не проведи. Когда-то до укуса клеща он прилично закладывал за воротник, и такой симптом, как частичная утрата памяти, был ему знаком не понаслышке.

– Да ты ни х-х-хуа ж не помнишь, ёббб-бб-банавро! – радостно констатировал он.

– Я всё помню. В целом.

– Ни хххуа ты не помнишь. Не мзди.

– Помню.

– Не помнишь, сцуко! По науке это называется перфорационная память! Вторая стадия алкоголизма!

– Не умничай, сцуко, – обмотавшись полотенцем, Директор вышел из ванной.

– А третья стадия, знаешь, как называется? Сумеречное сознание!

– Да ты ебанулся, как пить бросил!

– Ни хуа. Литературу надо читать специальную.

– А я думаю, Бумер, это тебя от энцефалита не долечили, – ответил Директор, одновременно пытаясь определить, какие трусы из бельевого ящика следует признать наиболее свежими.

– Зато я пить бросил. И всё помню. До мельчайших подробностей.

– И я помню, нах. Помню, как ты танцевал стриптиз, реально!

– А дальше?

– Дальше? – Директор задумался, прыгая на одной ноге и продевая другую в трусы.

– Бу-га-га-га-га! Ни хуа не помнишь!

Оба помолчали.

– А было вот что, – снизошёл Бумер. – Вы с этой бабой набухались, и я отвёз вас домой.

– Каждого в свой дом?

– Ни хуа-а-а-а. Я отвёз вас к тебе домой. В твою «нехорошую» квартиру.

У Директора упало сердце. Он застыл в плотно облегающих «боксерях» посередине разорённой комнаты.

– Сначала я хотел развести вас по домам, но в машине ты эту бабу развёл реально, и она согласилась поехать к тебе.

– Не мзди, сцуко!

– Бля буду.

– Да как я её развёл? – Директор внимательно оглядел себя. – Я толстопузый, несексуальный, грубый мужлан без чувства юмора!

– Ты сказал, что дома у тебя есть «Бейлис».

Пустая бутылка «Бейлиса» в углу комнаты у дивана подтверждала слова Бумера.

– Да?!

– Да. А она сказала, что это её любимый напиток.

– Да?!

– А потом она спросила тебя: «Зачем ты купил „Бейлис“?». А ты ответил: «Для ёбли-с».

– Да?! Я так сказал?! – Директор схватил себя свободной рукой за волосы. – Гусарский юмор!

– Ага. Но вы оба ржали как резаные, так что совсем меня за-эбали!

– Бумер, скажи, что мздишь, и я прощу тебе коробку сигар, которую ты мне должен, и ещё, так и быть, нах, подарю свою.

– А чё ты хочешь? Узнать правду или чтобы твой лучший друг целый месяц курил ахх-х-х-хуительные сигары?

– Правду.

– Тогда так: я отвёз вас к тебе домой и видел, что, пока вы шли к подъезду, ты реально держал эту блондинку за жопу! Вот так, нах, – Бумер издал губами сочный звук.

В этот момент в коридоре радостно пиликнул домофон.

– Кто? – спросил Директор.

– Отворяй, красава! – крикнули снизу.

Директор окинул взглядом часть комнаты, видимую из коридора, и сказал:

– Я лучше сам спущусь. Подождите.

У. Похищение Елены

– Ах ты, сука, папуас! Гвинея-Бисау! – выругался Эдик, когда его старый «крузак» порезала пассажирская «газель».

– Это не «газели», а бешеные бегемоты, – ровным голосом ответил сидевший рядом брат Эдика и посмотрел холодным немигающим взглядом рептилии.

Имя у него было Паша, но все звали его «Змей» из-за фантастического устройства зрачка, радужной оболочки и век. Змей тоже принадлежал к преступному сообществу. Но если Эдик был нервный бандит, то Змей был бандит странный.

Директор сидел на заднем сидении «крузака» и, приняв вальяжную позу, наблюдал за обоими. Ему приходилось часто и широко зевать, чтобы скрыть нарастающую нервозность.

– Ты пойми, не могу я без этой бабы, не могу! – стenal Эдик. – Чую, всё, ушла она от меня с концами.

– Обидел ты её, – ответил Змей, – а женщину обижать нельзя. Потому что женщина – цветок!

– Да-а-а-а... – вздохнул Эдик.

– Вся вселенная зависит от женщины. Всё на земле и на небе – от женщины. Птицы, рыбы, животные и человек – от женщины. Великая, – Змей воздел очи, – гармония. Всё потому, что женщина – цветок!

Эдик покосился на брата, но ничего не сказал.

– Можешь ругаться, материться можешь, убивать даже можешь по необходимости, грабить, но женщину не обижай. Красоту природы не тронь нечистыми своими руками. Потому что женщина – цветок!

Минуты две братья молчали.

– Слышь, Змей, – нарушил тишину Эдик, – тебе не надо траву курить.

– Почему? – Змей медленно улыбнулся своими тонкими сухими губами и остановил на Эдике немигающий взгляд.

– А потому что тебе не надо!!! Ты и так ёбнутый!!! – заорал Эдик и ударил обеими руками по рулю. – Ты без всякой травы на всю башку на хер ёбнутый!!!

Змей снова улыбнулся и ничего не сказал.

– Вот скажи, – поостыв, продолжал Эдик, – вот скажи, как с тобой играть в эти... в моргалки, то есть в гляделки? Как? Ты же никогда не моргаешь! Кто-нибудь когда-нибудь тебя переглядел?

– Никто.

– Вот. А в детстве, помнишь, как мы играли?

– Помню.

– Ты всегда, всегда выигрывал! Всегда.

– Всегда.

– Вот! Вот поэтому я такой нервный! Смотрю, смотрю в твои шары змеиные, а толку никакого. Час смотри, два смотри, всё равно ты ни хрена не моргаешь! Ты психику мне нарушил, гад! – Эдик снова ударил руками по рулю и агрессивно замолчал.

На некоторое время повисла пауза.

– Пожрать куда-нибудь заедем? – спросил Змей.

– Пожрать? – Эдик обернулся через плечо и одним глазом посмотрел на Директора. – Красава, ты как насчёт пожрать, а?

Тот безвольно пожал плечами:

– Как хотите. Я есть не буду.

– А куда поедем? – спросил Эдик брата.

- Закусочную «Мак-Мак» знаешь?
- Не, а чё это?
- Славик недавно открыл, – пояснил Змей.
- Он чё, шотландец? – удивился Эдик.
- Кто?
- Славик твой.
- Почему шотландец? – опешил Змей.
- Потому что на «Мак» все шотландские фамилии начинаются. Мак Дональд, например, шотландец.
- Не. Не шотландец, – ответил Змей с улыбкой. – Наш. Юбку не носит, зато волынка всегда с собой.
- Ха, красава!
- Они засмеялись, но Директору был неприятен этот смех.
- А чем там кормят? – продолжал интересоваться Эдик.
- Ну, они колбаски делают печёные с кленовым сиропом и шоколадом для детей, – сказал Змей. – Очень вкусно.
- А по-моему, колбаски лучше хавать с кетчупом или горчицей, – возразил ему брат.
- С кленовым сиропом тоже неплохо.
- Ну, не знаю. Это уже для гурманов! Для таких, как ты, которые в детстве пряники с колбасой жрали. Или конфеты «Школьные» с хлебом! – неожиданно огрызнулся Эдик.
- Зря ты. Для детей в самый раз. Они мясо обычное не едят. А колбаски в шоколаде – за обе щеки, – заметил Змей.
- Колбаски в шоколаде! – патетически воскликнул Эдик. – А ты видел, как они выглядят, колбаски в шоколаде! Это же надо было такое придумать! Детей кормить фекалиями! Ты представляешь, кто из таких детей вырастет? Конченные отморозки!!!
- От шоколада человек, говорят, наоборот, добрее становится.
- Ну-ну, – хмыкнул Эдик, и в разговоре повисла очередная пауза.
- А от мяса злее, – нарушил её Змей.
- Так они что, по-твоему, не злыми и не добрыми будут? – Эдик склонил голову вбок.
- Кто?
- Дети.
- Какие дети?
- Которые колбаски твои жрут с шоколадом, тормоз!!!
- Выходит, так. Добро и зло – великая гармония, – сказал Змей и поднял руки ладонями вверх.
- Только тут Директор заметил, что запястья у Змея богато украшены фенечками.

* * *

Через полчаса Эдик и Змей, остановив автомобиль у обочины, шуршали бумажными пакетами с весёлой надписью «Мак-Мак», ели колбаски, облизывая пальцы, и запивали газировкой. Эдик вскрыл пластмассовую ванночку с горчицей, а Змей – с шоколадом.

От запаха жареного жира и шоколада Директору сделалось дурно, он открыл дверцу «Ленд-Крузера», и его стошнило прямо на обочину.

– Ну ты, красава, даёшь! – не оборачиваясь, бросил Эдик. – Нажрался вчера?

– Угу.

– Один или с бабой?

Директор чуть было не сказал «с бабой», но вовремя осёкся и ответил:

– Один.

– У, братуха, да у тебя алкоголизм, – вставил Змей и тут же прибавил: – Есть у меня знакомый шаман, который лечит от этой заразы куриным говном. Если хочешь, телефон могу дать.

– Не надо!

Директора снова вырвало – на этот раз какой-то жёлтой водичей.

В таком виде: растрёпанного, небритого, в жёваном костюме от Zegna и с капельками рвоты на майке, – его доставили к зданию РУВД и высадили перед железной оградой. Он, как лунатик, побрёл через распахнутые ворота и нарвался на строгий окрик дежурного милиционера:

– Далеко, гражданин, собрался?

Милиционер сидел в будке рядом с турникетом и, кивнув в сторону ворот, объяснил:

– Это для служебного транспорта.

Приблизившись, Директор наткнулся на хмурый взгляд исподлобья, попытался улыбнуться, но не сумел.

– Документы, – буркнул милиционер.

– Сейчас, – Директор суетливо обшарил карманы и, не найдя документов, жалобно произнёс: – Я на допрос, меня ждут.

– Понимаю, – ответили из будки, – документы.

– Я в 19 кабинет, – выпалил Директор, как за спасительную соломинку хватаясь за всплывшую в памяти цифру.

– В 19, к кому? – продолжали допытываться у него.

Он, робко озираясь, заметил припаркованный вдалеке старый «крузак» Эдика и подумал: «Что же, Эдик не придёт мне на помощь?»

– Ладно, проходите, – смилостивился милиционер и проводил его презрительным взглядом.

Пробираясь через небольшой двор, засаженный елями, Директор чувствовал себя откормленным поросёнком, внезапно оказавшимся во власти волков. Его розовый нежный жирок вызывал хищный оскал и здоровый аппетит у людей в сером. На лицах у тех, что попадались ему по пути, неизменно возникало одно выражение: «Ба! Сам пришёл!»

«Я сладкий, – с тревогой и ужасом думал Директор, – я для них сладкий!»

В 19 кабинете, куда он попал, робко постучав в дверь и услышав суровое «Войдите», его ожидали трое.

Самый крупный и старый сидел за Т-образным столом, повернувшись к вошедшему. Лица оперативника, однако ж, было не разглядеть из-за света, лившегося из зарешеченного окна; всё, что смог увидеть Директор, – это тёмные очертания крепкой мужской фигуры и волосы, которые совсем недавно были увлажнены и зачёсаны назад, а теперь, высыхая, вставали над головой чёрными угрожающими иглами.

Два других оперативных сотрудника расположились по краям от ножки Т-образного стола и были, как показалось Директору, намного моложе своего коллеги. Один, в надвинутой на глаза чёрной вязаной шапочке и спортивном костюме, выглядел точно мелкий воришка, второй – в серой рубаше и сером же, только на оттенок темнее, галстук, более располагал к себе, так как имел сухое интеллигентное лицо и носил, по крайней мере, очки.

Все трое, не переставая, дымили.

– Здравствуйте, я от Эдика, – представился Директор и огляделся в поисках стула, внезапно ощутив себя беспомощным и нелепым.

– Присаживайтесь, – указали ему на порванный диван.

Он сел на краешек, боясь провалиться, и стал озираться. Видно было, что в этом тесном помещении, люди, как на вокзале, и спят, и едят, и водку пьют, и работают – одним словом, живут в ожидании поезда, который увезёт их наконец отсюда в места более приятные. Повсюду

на испятнанных стенах висели листки формата А4 с образцами милицейского юмора: «Чисто-сердечное признание облегчает понимание»; «Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна, не видна ни спереди, ни сзади, потому что мы сидим в засаде».

Допрос начался в обычном режиме, у Директора попросили назвать фамилию, имя, отчество и другие необходимые данные. Когда поинтересовались его семейным положением, он для чего-то ответил: «Женат во второй раз» – и тотчас пожалел о сказанном, потому что оперативники, вдруг оживившись, стали выяснять подробности первого брака.

Когда же он спросил их:

– Для чего это? Какое отношение моя первая жена имеет ко всему происходящему?

Ему ответили:

– Ничего страшного. Обычная процедура. Выясняем на всякий случай.

Однако почему-то Директору становилось всё более и более не по себе от «обычной процедуры». Сообщая огромное количество персональных сведений, он как будто бы постепенно раздевался перед тремя незнакомцами. Складывалось впечатление, что скоро они станут видеть его не только нагишом, но и вообще насквозь, словно в рентгеновском излучении.

– А расскажите нам, пожалуйста, поподробнее, что вы делали вчера вечером, после того как отвезли домой гражданку Хмелёву? – задал вопрос старший оперативник, которого Директор прозвал Дикобразом из-за торчащих вокруг головы сальных волос.

Допрашиваемый почувствовал, как его зад ёрзает по дивану.

– Поехал к себе в офис, чтобы перед сном пропустить рюмашку другую, – ответил он и не к месту хихикнул.

– Поехали один? – уточнил оперативник в шапочке.

– Н-н-нет, с другом.

– Как зовут друга?

– Бумер. То есть Валерий. Валерий Александрович Калинин.

– Хорошо.

Оперативники живо выяснили место жительства, место работы и номера телефонов Бумера, несмотря на вялое сопротивление Директора, который предварял каждый свой ответ словами: «Ребят, я не понимаю, зачем вам всё это знать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.